

СОБРАНИЕ СОТНЕНИИ

СОЛОДОРБА
СОЛОГУБА

Ж. Ку

ИЗДА

ШИПОВНИКЪ
Б. П. Б.

ИЗДА
ШИПОВНИКЪ

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

С Т И Х И

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

О Т Ъ А В Т О Р А .

Въ этой книгѣ собраны нѣкоторыя изъ стихотвореній, написанныхъ въ послѣдніе годы, и примыкающіе къ нимъ по настроеніямъ стихи прежнихъ лѣтъ. Нѣсколько стихотвореній печатаются здѣсь первый разъ. Они отмѣчены въ концѣ этой книги.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

С Т И Х И

День сгораль, недужно блѣдный
и безумно чуждый мнѣ.
Я томился и метался
въ безнадежной тишинѣ.

Я не зналъ иного счастья,—
стать недвижимъ, лечь въ гробу.
За метанья жизни плѣнной
клялъ я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
возвѣщая тайну зла:
Вся она, въ горѣнны трупы,
Мной замышлена была.

Это я изъ бездны мрачной
вихри знойные воззвалъ,
И себя цѣпями жизни
для чего-то оковалъ.

И среди нѣмыхъ раздолій,
гдѣ царилъ сѣдой Хаосъ,
Это Я своею волей
жизнь къ сознанию вознесъ.

Томленья злого
На сердцѣ тѣнь,—
Восходить снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И гдѣ отрада?
И гдѣ любовь?

Рабомъ медужнымъ
Пойду опять
Въ трудѣ ненужномъ
Изнемогать,
Ожесточенье
Проснется вновь,
И гдѣ терпѣнье?
И гдѣ любовь?

Недотыкомка сѣрая
Все вокругъ меня вьется да вертится,—
То не лихо-ль со мною очертится
Во единый погибельный кругъ?

Недотыкомка сѣрая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мнѣ, таинственный другъ.

Недотыкомку сѣрую
Отгони ты волшебными чарами,
Или на отмашь, что-ли, ударами,
Или словомъ завѣтнымъ какимъ.

Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ.

Вздымалось облако пыли,
Багровое, злое, какъ я,
Скрывая постылыя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, какъ я.

И шла мнѣ навстрѣчу царица,
Такая же злая, какъ я,
И съ нею безумная жрица,
Такая же злая, какъ я.

И чары несли онѣ, обѣ
Такія же злыя, какъ я,
Смѣясь въ ликующей злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя.

Пылали безумныя лица
Такой же тоской, какъ моя,
И злая изъ чаръ небылица
Вставала, какъ правда моя.

Змѣиной, растоптанной злобѣ,
Такой же, какъ злоба моя,
Смѣялись безумныя обѣ,
Такія же злыя, какъ я.

Въ багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, какъ я,
Царица и жрица укрыли
Такую жъ тоску, какъ моя.

По улицамъ люди ходили,
Такіе же злые, какъ я,
Тая безнадежныя были,
Такія жъ, какъ сказка моя.

ЧОРТОВЫ КАЧЕЛИ.

Въ тѣни косматой ели,
Надъ шумною рѣкой
Качаетъ чортъ качели
Мохнатою рукой.

Качаетъ и смѣется,
 Впередъ, назадъ,
 Впередъ, назадъ,
Доска скрипитъ и гнется,
О сукъ тяжелы трется
Натянутый канатъ.

Снуетъ съ протяжнымъ скрипомъ
Шатучая доска,
И чортъ хохочетъ съ хрипомъ,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Впередъ, назадъ,
 Впередъ, назадъ,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
Отъ чорта томный взглядъ.

Надъ верхомъ темной ели
Хохочетъ голубой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой.—

Въ тѣни косматой ели
Визжать, кружась гурьбой:
— Попался на качели,
Качайся, чортъ съ тобой.—

Я знаю, чортъ не бросить
Стремительной доски,
Пока меня не скосить
Грозящій взмахъ руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мнѣ моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбомъ о землю трахъ.
Качай же, чортъ, качели,
Все выше, выше... ахъ!

Живы дѣти, только дѣти,—
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свѣтѣ,
И махаетъ, словно плетью,
Уплетенной туго сѣтью
Возлѣ каждой головы.

Хоть и дастъ она отсрочку,—
Годъ, недѣлю или ночь,
Но поставитъ все же точку,
И укатитъ въ черной тачкѣ,
Согрявая въ дикой скачкѣ,
Изъ земного міра прочь.

Торопись дышать сильнѣе,
Жди,—придетъ и твой чередъ.
Задыхайся, цѣпенѣя,
Леденѣя передъ нею.
Срокъ пройдетъ,—подставишь шею,—
Ночь, недѣля или годъ.

Быль просторъ небесъ огромень,
А въ лѣсу былъ воздухъ томень,
Благовонныхъ полонъ смоль.
Омраченный думой строгой,
Кто-то шелъ лѣсной дорогой,
За собой кого-то вель.

Точно выходцы изъ гроба,
Шли они, молчали оба.
Въ струяхъ воздуха текла,
Тяжела, какъ ладанъ дымный,
Всѣ земные наши гимны
Растворившая смола.

На сѣрой кучѣ сора,
У пыльнаго забора,
На улицѣ глухой
Цвѣтетъ въ исходѣ мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый звѣробой.

Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золь,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

Мы были праздничныя дѣти,
Сестра и я.
Плела намъ радужныя сѣти
Коварная Змѣя.

Стояли мы, играть не смѣя
На праздникъ Весны.
У злого, радостнаго Змѣя
Отравленные Сны.

Хоть бѣдныхъ раковинъ случайно
Набралъ бы у ручья,—
Нѣтъ, умираемъ, плача тайно,
Сестра и я.

Что было, будетъ вновь,
Что было, будетъ не однажды.
Съ водой смѣшаю кровь
Устамъ, томящимся отъ жажды.

Придетъ съ высокихъ горъ.
Я жду. Я знаю,—не обманетъ.
Глубокъ зовущій взоръ.
Стилетъ остеръ, и сладко ранить.

Моихъ коснется плечъ.
Приникнетъ въ тайнѣ бездыханной.
Потомъ затопить печь,
И тихо сядетъ ждать за ванной.

Звонящія струи
Прольетъ, открывъ неспѣшно краны,
И брызнетъ на мои
Легко означенныя раны.

И дверь мою замкнетъ,
И тайной зачаруетъ стѣны,
И томная войдетъ
Въ мои пустѣющія вены.

Съ водой смѣшаю кровь
Устамъ, изсохнувшимъ отъ жажды.
Что было, будетъ вновь.
Что было, будетъ не однажды.

О, смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя,—и ненавижу
Очарованія земли.
Людскіе чужды мнѣ восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этотъ шумъ въ земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринуль я издавна власть.
Не мнѣ, обвѣянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мнѣ къ ногамъ ея упасть.

Не мнѣ итти на пиръ блестящій,
Огнемъ надменнымъ тяготящій
Мои дремотные глаза,
Когда на нихъ уже упала,
Прозрачнѣй чистаго кристалла,
Твоя холодная слеза.

— Въ оврагѣ, за тою вонь рощей,
Лежить мой маленькій братъ.
Я оставила съ нимъ двухъ куколъ,—
Онѣ его сонъ сторожатъ.

Я боюсь, что онъ очень ушибся,
Я его разбудить не могла.
Я такъ устала, что охотно
Вмѣстѣ бы съ ними легла.

Но надо позвать на помощь,
Чтобы его домой перенести.
Нельзя, чтобы малыя дѣти
Ночевали одни на пути.—

Багряный вечеръ въ сердцѣ воздвигалъ
Алтарь кручины,
И флеромъ грусти тихо обвивалъ
Просторъ долины.

Стояли клены въ тяжкомъ забытѣи,
Цвѣты пестрѣли,
Съ травой шептались ясные ручьи,
Струясь безъ цѣли.

Надъ нивой и рѣчкой обрывки тучъ
Скользя бѣжали,
И золотилъ ихъ коймы поздній лучъ
Зарей печали.

Ускользящей цѣли
Обольщающій свѣтъ,
И ревнивой метели
Угрожающій бредъ...

Или время крылато?
Или силъ нѣтъ во мнѣ?
Все, чѣмъ жилъ я когда-то,
Словно было во снѣ.

Замыкаются двери,—
И темнѣетъ кругомъ,—
И утраты, потери,
И бессильно умремъ.

Истеченіе чую
Холодѣющихъ силъ,
И тоску вѣковую
Безпощадныхъ могилъ.

Пришла, и розы рассыпаешь,
Свирѣльно клича мертвеца,
И взоры страстные склоняешь
На блѣдность моего лица.

Но какъ ни сладки поцѣлуи,
Темны мои нѣмые сны.
Уже меня колышутъ струи
Непостижимой глубины.

Багровыя затмили тучи
Лобзаній яркіе лучи,
И что мнѣ въ томъ, что ласки жгучи,
Что поцѣлуи горячи!

Лежу, качаясь въ дивномъ челнѣ,
И темный голосъ надо мной:
— Пора пришла, — обѣтъ исполни,
Возникла я надъ глубиной. —

Благословлять губительныя стрѣлы
И проклинать живящіе лучи,—
Вотъ страшные и тѣсныя предѣлы,
Къ инымъ путямъ затеряны ключи.

Въ мучительныхъ безумствуя хуленьяхъ,
Въ бессмысленной безумствуя хвалѣ,
Живи въ безвыходныхъ томленьяхъ,
Влачись на бѣдственной землѣ.

Отравленной стрѣлы вонзилось жало,—
Лобзай ея пернатые края:
Томительно она тебя лобзала,
Когда померкло солнце бытія.

Мы покланялися владыкамъ
И въ блескъ дня и въ тьмѣ божницъ,
И передъ каждымъ грознымъ ликомъ
Мы робко повергались ницъ.

Владыки гнѣвные грозили,
И расточали громъ и зло,
Порой же милость возносили
Такъ величаво и свѣтло.

Но ихъ неправедная милость,
Какъ ихъ карающая месть,
Могли къ престоламъ лишь унылость,
Тоской вѣнчанную, возвесть.

Мерцалъ вѣнецъ ея жемчужный,
Но свѣтъ его былъ тусклый блескъ,
И вся она была ненужный
И непонятный арабскт.

Владыкъ встрѣчая льстивымъ кликомъ,—
И кликъ нашъ сотканъ былъ изъ тьмы,—
Въ смятенъи темномъ и великомъ
Чертогъ ея ковали мы.

Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧЪ.

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не братъ бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча.

И я учился въ школѣ
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогой
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкнулъ широкій мечъ.

И хлынетъ токъ багряный,
И, тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнетъ къ палачу.

Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью.
Опять веревка свяжетъ
Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ — вездѣ палачъ.
О, скучный плескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачь!

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

Нѣтъ, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила,—
Мнѣ наслажденія сулила
Царица радостнаго зла.

Окружена прозрачной дымкой
Порочныхъ сновъ и злыхъ страстей,
Она сошла къ душѣ моей
Ожесточенной недюдимкой.

И научила презирать
Людскія скучныя забавы,
И чары тайныя вкушать,
Благоуханныя отравы.

Восторговъ тщетныхъ, грезъ ночныхъ
Струи кипучія такъ сладки,—
Но въ сердцѣ кояются отъ нихъ
Противно-горькіе осадки.

Дорогіє наряды,
Искрометные камни и розы,
Но какіе суровые взгляды,
И какія въ нихъ злыя угрозы!

Въ эту ночь опьянѣнья
Ты опять, ты опять предо мною
Съ непреклоннымъ укоромъ презрѣнья,
Съ недосказанной былью больною.

Для чего истомила
Ты загадкой меня невозможной,
И желанья мои отравила
Ворожкой непонятной и ложной?

Проклинаю нѣмую
Безучастность лица неземного,
И смотрю на тебя, роковую,
Ожидая послѣдняго слова.

Я любви къ тебѣ не знаю,
Злой и мстительный Драконъ,
Но склоняясь исполняю
Твой незыблемый законъ.

Я облекся знойнымъ тѣломъ,
Зной лучей твоихъ во мнѣ.
Раскаленъ въ каленки бѣломъ,
Въ красномъ часто я огнѣ.

О, лихорадочное лѣто!
Го вѣтра холодъ, то солнца зной.
Холодной мглюю земля одѣта,
Ручей смѣется въ тѣни лѣсной.

Онъ притаился въ долинѣ тѣсной.
Ему забавно, что много тучъ.
Ему противень змѣй небесный,—
Какъ мечъ разящій,—блестящій лучъ.

Не стоять-ли кто за угломъ?
Не глядеть-ли кто на меня?
Посмотрѣть не смѣю кругомъ,
И зажечь не смѣю огня.

Вотъ подходитъ кто-то въ потьмахъ,
Но не слышны злые шаги.
О, зачѣмъ томительный страхъ?
И къ кому воззвать: помощи?

Не поможетъ, знаю, никто,
Да и чѣмъ и какъ-же помочь?
Предо мною темнѣетъ ничто,
Ужасаетъ мрачная ночь.

Быль глазъ чудовища нелѣпъ,—
Костеръ у берега морского,—
И, было небо точно склепъ
Въ дому художника сѣдого.

И, кто мечталъ на берегу,
Огнемъ и пепломъ зачарованъ,
Тотъ былъ опять въ нѣмомъ кругу,
Въ ночномъ кругу опять закованъ.

Надъ золотымъ огнемъ костра,
Отвѣтомъ робкому вопросу,
Я видѣлъ, милая сестра,
Твою взметнувшуюся косу.

Блеснувъ унынью моему
Мгновенно ясною улыбкой,
Ты убѣжала снова въ тьму,
Какъ будто ты была ошибкой.

Какъ будто здѣсь на берегу
Не надо яркаго мельканья,
Ни огневого полыханья,
Ни смѣха въ пламенномъ кругу.

Кто на волѣ? Кто въ плѣну?
Кто своей судьбою править?
Кто чужую волю славить,
Цѣпь куя звено къ звену?

Кто рабы и кто владыки?
Кто наемникъ? Кто творецъ?
Покажите наконецъ,
Снявъ личины, ваши лики.

Но, какъ прежде, все темно.
Въ душныхъ весяхъ и въ пустынѣ
Мы нѣмотствуемъ и нынѣ,
Цѣпь куя къ звену звено.

Нѣтъ великаго Владыки.
Празденъ тронъ, и нѣмъ дворецъ.
Опечаленный творецъ
Далъ личины, отнялъ лики.

Невнятною, темною рѣчью
Мнѣ кто-то коварно открылъ
И злобную ложь человѣчью,
И правду таинственныхъ силъ.

Страшна мнѣ неправда людская,
Страшны и вершины святынь,—
Иду я одинъ, убѣгая
Въ безмолвіе тайныхъ пустынь.

Цвѣты роняютъ вѣднѣй ароматъ,
Слова теряютъ смѣль первоначальный.
Смѣнился юный пылъ досадою печальной,
И пѣсни прежнѣя докучливо звучать, —

И лишь позоръ нагого преступленья
Заманчивъ, какъ всегда,
И сладко намъ нѣмое изступленье
Безумства и стыда.

Въ его саду растеть рябина.
Въ его дому живетъ кручина.
На немъ изношенный кафтанъ.
Глаза окутаны туманомъ,
Какъ будто налито шафраномъ
Лицо, и согнуть тощій станъ.

Надежда милая убита,
И что отъ бѣды ему защита?
Терпѣть судьба ему велить.
Передъ его печальной хатой,
Враждебной властію заклѣтой,
Рябина горькая стоять.

...Не рождена притворствомъ
Большая пѣснь моей тоски:
Ея жестокіе тиски
Ни трудовымъ моимъ упорствомъ,
Ни звонкой радостью весны
Не могутъ быть побѣждены.

Ея зародыши глубоки,
Ее посѣяли пороки,
И скорбь слезами облила,
И солнце правды беспощадной
Даруетъ жизни безотрадной
Довольно свѣта и тепла.

Мы устали преслѣдовать цѣли,
На работу затрачивать силы,—
Мы созрѣли
Для могилы.

Отдадимся могилѣ безъ спора,
Какъ малютки своей колыбели,—
Мы истлѣемъ въ ней скоро,
И безъ цѣли.

Я ждалъ, что вспыхнетъ впереди
Заря, и жизнь свой ликъ покажетъ
И нѣжно скажетъ:
«Иди!»

Безъ жизни отжилъ я, и жду,
Что смерть свой блѣдный ликъ покажетъ
И грозно скажетъ:
«Иду!»

Многоцвѣтная ложь бытія,
Я бороться съ тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Какъ больная и злая змѣя,
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренныхъ скалъ,
По расщелинамъ мглисто-сырымъ
Мой отверженный путь пролегалъ.
Тамъ когда-то я съ вѣрой внималъ
Голосамъ и громамъ роковымъ.

А теперь, какъ больная змѣя,
По расщелинамъ мглисто-сырымъ
Пробираюсь медлительно я.
Многоцвѣтная ложь бытія,
Я отравленъ дыханьемъ твоимъ.

На распутьи зломъ и дикомъ
Въ темный часъ я тихо жду.
Вѣщій воронъ хриплымъ крикомъ
На меня зоветъ бѣду,
А на небѣ надо мною
Только грустная луна,
И тоскуетъ ночь со мною,
И томится тишина.

Отъ луны мерцанье въ росахъ,
И бѣлѣетъ мгла вокругъ.
Тихо чертитъ вѣрный посохъ
По землѣ волшебный кругъ.
Сомкнуть кругъ, — и нѣтъ печали
Въ тѣсной области моей, —
Позабыты всѣ печали
Утомленьемъ горькихъ дней.

Онъ изъ тьмы выходить. Другъ-ли
Мнѣ онъ тайный, или врагъ?
У него глаза, какъ угли,
Темень ликъ, и зыбокъ шагъ.
Я за дивною чертою
Для него недостижимъ,—
И стоитъ онъ за чертою,
Темный, зыбкій, весь, какъ дымъ.

Онъ смѣется, и не хочетъ
Въ темный часъ признать меня.
Онъ томленья мнѣ пророчить,
Взоръ свой пламенный склона,—
И во мглу съ недобрымъ словомъ
Отъ меня отходить онъ,—
Я его зловѣщимъ словомъ,
Вражымъ словомъ не смущень.

Мнѣ подъ солнцемъ горе мыкать
День за днемъ не привыкать.
Ночь придетъ — я буду кликать
Въ темный часъ его опять,
Чтобъ за дивною чертою
Погодать, поворожить,—
Только здѣсь лишь, за чертою,
Мнѣ, усталому, и жить.

Люблю блуждать я надъ трясиную
Дрожащимъ огонькомъ,
Люблю за липкой паутиною
Таиться паукомъ,
Люблю летать я въ полѣ оводомъ
И жалить лошадей,
Люблю быть явнымъ, тайнымъ поводомъ
Къ мученію людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и самъ.
Мой тихій стонъ, мой вопль медлительный,—
Укоры небесамъ.
Судьба дала мнѣ плоть растлѣнную,
Отравленную кровь.
Я возлюбилъ мечтою плѣнною
Безумную любовь.

Мои порочныя томленія,
 Все то, чѣмъ я прельщенъ, —
Въ могучихъ чарахъ навожденія
 Многообразный сонъ.
Но онъ томить большой обидою.
 Итти путемъ однимъ
Мнѣ тѣсно. Всѣмъ во всемъ завидую,
 И стать хочу инымъ.

Столкновеніе бѣшеныхъ воль,
Сочетаніе воплей и стона.
Прокаженнаго радуеть боль,
Какъ сіяніе злого дракона.

Онъ лицо поднимаетъ къ лучамъ,
Острупѣлыя тянетъ онъ руки,
И смѣется жестокимъ бичамъ,
И привѣтствуетъ дикія муки.

Утѣшаетъ несносная боль,
Голосъ бѣшеной жизни отрадень,—
И просыпалась жгучая соль
На сплетенъе безчисленныхъ ссадинъ.

На гулкихъ улицахъ столицы
Трепещутъ крылья робкихъ птицъ,
И развернулись вереницы
Угрюмыхъ и печальныхъ лицъ.

Подъ яркой маской злого свѣта
Блеститъ торжественно глазеть.
Идетъ, вся въ черное одѣта,
Жена за тѣмъ, кого ужъ нѣтъ.

Мальчишки съ пѣсней печальной
Бредутъ въ томительную даль
Предъ колесницей погребальной,
Но имъ покойника не жаль.

Вотъ у витрины показной
Стоить, любясь, мальчикъ бѣдный.
Какой онъ худенькій, и блѣдный,
И некрасивый, и больной!

Блестятъ завистливо и жадно
Его широкіе глаза.
Порой сверкнетъ на нихъ слеза,
И онъ вздыхаетъ безотрадно.

Вотъ наглядѣлся онъ, идетъ.
Вокругъ него шумитъ столица.
Мечтаній странныхъ вереница
Въ душѣ встревоженной растетъ.

Онъ темень и суровъ,—и взоръ его очей
Пугая чистыхъ дѣвъ и радостныхъ дѣтей,
Прельщаетъ зрѣлыхъ женъ, и отроковъ порочныхъ
Тревожить въ сонной мглѣ мечтаній полуночныхъ.

Въ очахъ его тоска, и блѣденъ цвѣтъ лица.
Потупить очи онъ,—похожъ на мертвеца.
Черты его лица смѣшны и безобразны,—
Но имъ волнуютъ женъ и отроковъ соблазны.

Въ его устахъ двухсмысленны слова
И на устахъ двухсмысленны улыбки.
Его душа безсильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.

Его любить никто не захотѣлъ,
Никто не могъ его возненавидѣть.
Неузнаннымъ пребыть—его удѣлъ,—
Не дѣйствовать, не жить, а только видѣть.

Въ безмолвной пустынѣ,
Гдѣ жаркій песокъ и гранитъ,
Гдѣ небо безоблачно-сине,
Гдѣ жгучее солнце блеститъ,

Стоитъ подъ скалою одиноко
Забытая арфа и ждетъ,
Что вѣтеръ, примчась издалека,
Тихонько въ струнахъ запоетъ.

Встрѣчаетъ пустыня нагая
Нагіе, горячіе дни.
Надъ арфой нѣмой пролетая,
Въ ней звуковъ не будятъ оны.

И ночи летятъ торопливо,—
На ихъ молчаливый полетъ
Молчаніе смотритъ ревниво,
И струнъ имъ задѣтъ не даетъ.

Отчего боятся дѣти,
И чего?
Эти сѣти имъ на свѣтѣ
Ничего.

Вотъ, усталые бояться,
Знаемъ мы,
Что ужъ близкія грозятся
Очи тьмы.

Мурава, и въ ней цвѣточки,
Желтъ, синь, аль,—
То не чортъ-ли огонечки
Зажигаль?

Волны бѣлой пѣной плещуть
На песокъ.
Рыбки зыбкія трепещуть
Здѣсь у ногъ.

Кто-то манить, тянетъ въ море.

Кто же онъ?

Тамъ, гдѣ волны, на просторѣ

Чей же стонъ?

Вы, читающіе много

Мудрыхъ книгъ,

Испытайте точно, строго

Каждый мигъ.

Ахъ, узнайте, прослѣдите

Все, что есть,

И желанную несите

Сердцу вѣсть!

Нѣтъ, и слыша вѣсти эти,

Не поймешь,

Гдѣ же правда въ нашемъ свѣтѣ,

Гдѣ же ложь!

Былы надежды почили въ безмолвной могилѣ...
Безсильные страхи навстрѣчу таинственной силѣ,
Стремленье къ святыньѣ въ безмолвной пустыньѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И тайна всемірная нынѣ
И вѣчно...

Въ тяжеломъ томленьи мгновенныя дѣти творенья.
Томятся неяснымъ стремленьемъ нѣмыя растенья,
И голодны звѣри въ лѣсахъ и пустыньѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И муки всемірныя нынѣ
И вѣчно.

Туманный день глядитъ въ окно,
Въ душѣ и пасмурно, и строго.
Воспоминанія давно
Стоять угрюмо у порога
Изнемогающей души,
Не появляясь, не скрываясь,—
О дняхъ, когда въ нѣмой гдуши
Я жилъ, восторгами питаюсь,
Далекій призракъ возлюбя,
Мечтою обнимая тѣни,
И жизнь недужную губя
Подъ гнетомъ страстности и лѣни.

Быль широкій путь къ подножью
Вѣчно вольныхъ, дальнихъ скалъ,—
Этотъ путь онъ злою ложью,
Злою ложью заграждалъ.
То скрывался онъ за далью,
То являлся изъ могилъ,
И повсюду мнѣ печалью,
Онъ печалью мнѣ грозилъ,—
И надъ бѣдной, темной нивой
Обыденныхъ, скучныхъ дѣлъ,
День тоскливый и лѣнивый,
День лѣнивый потускнѣлъ.

Въ полумракѣ я томился
Бездыханной тишиной.
Ночь настала, и раскрылся,
И раскрылся міръ ночной.
Надо мной у ночи крылья
Выростали все темнѣй
Отъ тяжелаго безсилья,
Отъ безсилья злыхъ огней.
И печально, и сурово,
Издалека въ мертвый край
Повелительное слово
Вѣсть, слово: умирай.

Мѣсяцъ всталъ, и пламенѣть
Утѣшеньемъ въ сонной мглѣ.
Все далекое свѣтлѣть.
Все свѣтлѣть на землѣ.
Отуманенныя дали
Внемлютъ сладкой тишинѣ,
И томительной печали,
Злой печали нѣтъ во мнѣ.
Все томленіе, все страданье,
Трудъ и скорбь, и думы всѣ,—
Все переходитъ, какъ мерцанье,
Какъ мерцанье на росѣ.

Торжественной праздности чадо,
Утѣха лачугъ и палатъ,
Смѣяться и плакать ты рада,
Созвучья бы только да ладъ.

Тебѣ-ль не дарована сила!
Тебѣ-ль не покорна весна!
Ты всѣ зажигаешь свѣтила,
А ночь холодна и темна.

На улицахъ пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною—безумное Лихо,
И нѣтъ отъ него мнѣ защиты.

Оградой желѣзной и мѣдной
Замкнулся отъ нищихъ богатый.
Я—странникъ унылый и блѣдный,
А Лихо—мой вѣрный вожатый.

И съ нимъ я разстаться не смѣю.
На улицахъ пусто и тихо.
Пойдемъ же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

Вѣрить обѣтамъ пустыннымъ
Бѣдное сердце устало.
Темнымъ, томительно-длиннымъ
Ты предо мною предстало,—

Ты, неразумное, злое,
Вѣчно-голодное Лихо.
На роковомъ аналоѣ
Сердце терзается тихо.

Звякаетъ въ дымѣ кадило,
Ладанъ возносится синій,—
Ты не росою кропило,
Сыпало мстительный иней.

Истомилъ меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тѣнь,—
Повтореній томящихъ порука.

Впечатлѣній навязчивыхъ сѣть...
Разорвать бы постылыя петли!
Не молитвой-ли сердце согрѣть?
О веселыхъ надеждахъ не спѣть ли?

Но молитвы забыты давно,
И наскучили пѣсни былыя,
Потому-что на сердцѣ темно,
Да и думы—такія все злыя!

Думы черныя лелѣю,
Грустно грежу на яву,
Темной жизни не жалѣю,
Ткани призрачныя рву,

Ткани юныхъ упованій
И туманныхъ дѣтскихъ сновъ;
Чуждый суетныхъ желаній,
Умереть давно готовъ.

Грустно грежу, скорбь лелѣю,
Паутину жизни рву,
И дознаться не умѣю,
Для чего и чѣмъ живу.

Небо желто-красное зимняго заката,
Колокола гулкаго заунывныйъ звонъ...
Мысли, проходящя смутно, безъ возврата,
Сердца наболѣвшаго неумолчный стонъ...

Снѣгомъ занесенныя, улицы пустыя,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Изъ окошка вижу я кудри дымовыя,
Вереницы тѣсныя деревянныхъ крышъ.

Воздухъ жгучимъ холодомъ чародѣйно скованъ.
Что-то есть зловѣщее въ этой тишинѣ.
Грустью ожиданія разумъ очарованъ.
Образы минувшаго снова снятся мнѣ.

Навѣкъ налаженъ въ рамкахъ тѣсныхъ
Строй жизни пасмурной, нѣмой.
Недостижимѣй звѣздъ небесныхъ
Свободной жизни блескъ и зной.

Одной мечтою въ часъ досуга
Я обтекаю вольный свѣтъ,
Гдѣ мнѣ ни подвига, ни друга,
Ни наслажденій бодрыхъ нѣтъ.

Томясь въ завистливой печали,
Слѣжу задумчиво тогда,
Какъ выплываютъ изъ-за дали
Деревни, степи, города.

Мелькають лица, платья вѣютъ,
Смѣются дѣти, солнце жжетъ,
Шумятъ стада, поля пестрѣютъ,
Несутся кони, пыль встаетъ...

Ручья лѣсного нѣжный ропотъ
Смѣняетъ рынка смутный гулъ.
Признанія стыдливый шопотъ
Въ базарныхъ крикахъ потонулъ.

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ воззвалъ:—Отецъ мой Дьяволъ,
Спаси, помилуй,—я тону.

— Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.—

И Дьяволъ взялъ меня, и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью.
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.

И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное, злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.

И вѣренъ я, отецъ мой, Дьяволъ,
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И Ты меня изъ бездны спасъ.

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю,
И соблазняя соблазну.

О, царица моя! Кто же ты? Гдѣ же ты?
По какимъ заповѣднымъ иль торнымъ путямъ
Пробираться къ тебѣ? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не повѣрю я самъ.

Молодая вдова о почившемъ не можетъ, не хочетъ
скорбѣть.
Преждевременно дѣва все знаетъ,—и счастье ее не
манить
Содрогаясь отъ холода, клянчить старуха, и прячетъ
истертую мѣдь.
Замирающій городъ туманомъ и мглою повить.

Умирая, томятся въ гирляндахъ живые цвѣты.
Поблѣднѣвшій колодникъ сбѣжавшій прилеге отдыхая
въ лѣсу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?

О любви вдохновенно поетъ на подмост-
кахъ поблекшій пѣвецъ.
Величаво идетъ въ равнодушной толпѣ
молодая жена.
Что-то въ воду упало, — бѣгутъ роковые
обломки колецъ.
Одинокая, спѣшная ночь и трудна
и больна.

Сколько странныхъ видѣній, и стран-
ныхъ, недужныхъ тревогъ!
Кто же ты, гдѣ же ты, чаровница
моя?
Недоступенъ ли твой свѣтозарный чер-
тогъ?
Или встрѣчу тебя, о, царица моя?

В Ы Б О Р Ъ.

На перепутьи бытія,
Томясь таинственной тревогой,
Стояль, и долго думалъ я,
Какою мнѣ итти дорогой.

И появились предо мной
Два духа: свѣтлый духъ мечтаній,
Сіявшій горней бѣлизной,
И строгій духъ земныхъ исканій.

Надежды радостной фіалъ
Отъ духа нѣжнаго я взялъ,
И на фіалѣ надпись: слава.
Не отрываясь, грезы пью,—
И вотъ, холодная отравя
Сгущаетъ быстро кровь мою.

Я вижу, выборъ былъ ошибкой,—
И кубокъ падаетъ, звеня,
А геній жизни отъ меня
Летитъ съ презрительной улыбкой.

Полонъ дикими мечтами,
Устремилъ я взоры въ твердь,
Гдѣ лазурными очами
И блестящими лучами
Улыбается мнѣ смерть.

Тамъ прозрачно тучи тають,
Тамъ покорно и мертво,
Тамъ багряно умирають
Грезы сердца моего.

На лицо мое упали
Безпощадные лучи,—
Какъ могучій вопль печали,
Безотраднo горячи.

Укоризненно и строго
Смерть мнѣ шлетъ въ нихъ свой отказъ:
„Жди,—не кончена дорога,
Не насталь еще твой часъ“.

Вся горить и вся сверкаетъ
Залитая солнцемъ твердь,
Гдѣ въ пустой дали сіяетъ
Утѣшительница-смерть.

Судьба была неумолима,
Но знаю я,—вина—моя.
Пройдите съ отвращеньемъ мимо.
И это горе вызвалъ я.

Я зналъ святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но въ жизни воплотилъ уродство
Моей отравленной мечты.

Когда окликнулись впервые
Другъ другу птичьи голоса,—
Когда на сказки заревья
Смѣялась первая роса,—

Когда отъ счастья задрожала
Еще невинная змѣя,—
Вложилъ отравленное жало
Въ лобзанья усть змѣиныхъ я.

Я былъ одинъ во всей природѣ,
Кто захотѣлъ тоски и зла,
Кто позавидовалъ свободѣ,
Обнявшей дѣтскія тѣла.

Одинъ, жестокой и надменный,
На мѣръ невзгоды я навлекъ.
Несовершенства всей вселенной
Въ вѣкахъ лишь только мнѣ упрекъ.

Въ пути безрадостномъ, среди нѣмой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши видъ богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нѣжной разливала
Изъ тонкаго фіала
Куренья дымныя она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна,

И, гдѣ она ногою голой
Касалася сухой земли,
Тамъ грѣшныя цвѣты толпой веселой
Безстыдные, пахучіе цвѣли.

И, предо мной склонившись, какъ рабыня,
Она меня къ грѣху таинственно звала,—
И скучной стала мнѣ житейская пустыня,
И жажда дѣлъ великихъ умерла.

О, забвеніе! низойди, обмани!
Въ воспоминаніяхъ тягостны дни.

Прегрѣшенія выше горъ.
Въ заблужденіяхъ обидный позоръ.

Если счастье манило, оно ушло.
Всѣ дары жизнь разбила, какъ стекло.

О, забвеніе! если-бы все стереть!
Если-бъ все прошлое могло умереть!

Но судьба говоритъ:—Только съ тобой.
Умри, и все прошлое уведи съ собой.—

— День туманный
Настаетъ,
Мой желанный
Не идетъ.
Мгла вокругъ.

На порогъ
Я стою,
Вся въ тревогъ,
И пою.

Гдѣ-жъ мой другъ?

Холодъ вѣтъ,
Садъ мой пусть,
Сиротѣтъ
Каждый кустъ.
Скучно мнѣ.

Распрощался
Ты легко,
И умчался
Далеко
 На конѣ.

По дорогѣ
Я гляжу,
Вся въ тревогѣ,
Вся дрожу, —
 Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
Въ сердцѣ рану
Беречь, —
 Богъ съ тобой! —

Вывѣски цвѣтныя,
Буквы золотыя,
Солнцемъ залитыя,
Магазиновъ рядъ
Съ бойкою продажей,
Грохоть экипажей,—
Городъ солнцу радъ.

Но въ толпѣ шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбныя примѣты:
Грубые предметы,
Темныя черты.

Садъ чародѣйныхъ прохладъ
 ароматами сладкими дышетъ.
Звонко смѣется фонтанъ,
 и серебряный вѣреть колыхаетъ.
Зыблется тихо гамакъ,
 призакрытый отрадною тѣнью.
Дѣва, качаясь, лежитъ,
 убаюкана счастьемъ и лѣнью.

Прутья рѣшетки стальной
 надъ ~~кремнистой~~ дорогою блещутъ.
Пыльные вихри ~~встаютъ~~,
 и полуденной злобой трепещутъ.
Къ прочной рѣсеткѣ прильнуть,
 и задумался юноша кроткій.
Грустенъ и труденъ твой путь
 передъ запертой крѣпко рѣшеткой.

Придешь ли ты ко мнѣ, далекій, тайный другъ?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я въ недостижимый кругъ,—
И только ты одинъ, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальній другъ.

Я жду, и жизнь моя темна, какъ смутный бредъ,
Толпятся чудища передъ завѣтнымъ кругомъ,
И мнѣ грозятъ они, и затмеваютъ свѣтъ,
И вѣютъ холодомъ, печалью да испугомъ.
Мнѣ тяжело безъ тебя, вся жизнь моя, какъ бредъ.

Сгораетъ день за днемъ, за ночью тлѣетъ ночь,—
Мерцаетъ впереди непостижимымъ свѣтомъ
Гора, куда взойти давно ужъ мнѣ не вмошь.
О, милый, тайный другъ, повѣрь моимъ обѣтамъ,
И посѣти меня въ тоскующую ночь.

Вчера въ безсиліе печали
Я былъ угрюмо погруженъ,—
Докучныя слова звучали,
И чьи-то тяжкіе шаги.

Изъ-за угла за мной слѣдили
Глаза неутомимыхъ женъ,
За мной по улицамъ ходили
Неумолимые враги.

Въ безпредѣльности пространства
Гдѣ-то есть земля иная,
И на ней моя невѣста,
Къ небу очи подымая,

Какъ и я же, ищетъ взоромъ
Чуть замѣтнаго свѣтила,
Подъ которымъ мнѣ томиться
Участь горькая судила.

Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть въ небѣ обо мнѣ твой рогъ жемчужный трубить,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой землѣ никто меня не любитъ.

Да будетъ ночь твоя въ мерцаніи свѣтилъ!
Отверженецъ земли, тоскующій и кроткій,
О, сколько разъ во тьмѣ я за тобой слѣдилъ,
Любуясь твоей стремительною лодкой!

Потомъ я шель опять въ докучный ропотъ дня,—
И трудъ меня томилъ, и путь мой былъ безцѣленъ.
Твой свѣтъ въ моей душѣ струился, мглисто-зелень.
Холодная луна, люби, люби меня!

Для кого прозвучалъ
Мой томительный голосъ?
Какъ подрѣзанный колосъ,
Я бессильно упалъ.

Я прошелъ по землѣ
Неразгаданной тайной,
И какъ свѣтъ не случайный
Въ опечаленной мглѣ.

Я къ Отцу возвращаюсь,
Я затеплилъ свѣчу,
И ничѣмъ не прельщаюсь:
Ничего не хочу.

Мой таинственный голосъ
Для кого прозвучалъ?
Какъ подрѣзанный колосъ,
Я на землю упалъ.

Я не слышу отвѣта,
Одинокій иду,
И отъ міра не жду
Ни привѣта, ни свѣта.

Я затеплилъ свѣчу,
И къ Отцу возвращаюсь,
Ничего не хочу,
И ничѣмъ не прельщаюсь.

Маленькіе кусочки счастья, не взялъ ли я васъ
отъ жизни?

Дивныя и мудрыя книги,
таинственныя очарованія музыки,
умилительныя молитвы,
невинныя, милыя дѣтскія лица,
сладостныя благоуханія,
и звѣзды,—недоступныя, ясныя звѣзды!

О, ффрагменты счастья, не взялъ ли я васъ отъ
жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь

Ты жалуешься:

«Краткимъ,
и болѣе горькимъ, чѣмъ сладкимъ,
обманомъ промчалась жизнь,
и ея нѣтъ».

Успокойся, сердце мое, замолчи.

Твои біенія меня утомили.

И уже воля моя отходитъ отъ меня.

Мнѣ сегодня нездоровится;
Злая немочь-ли готовится
Одолѣть меня?
Съ торопливой лихорадкою
Поцѣлуюсь ли украдкою
На закатѣ дня?

Но не страшно мнѣ томленіе, —
Это легкое круженіе
Я ужъ испыталъ.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кротокъ я и малъ.

Что велятъ мнѣ, то и сдѣлаю:
То сидѣлка-ль съ банкой цѣлою
Горькаго питья,
Или смерть у изголовія, —
Всѣмъ готовъ безъ прекословія
Покоряться я.

Благословляю сладкій ядъ
Въ моей росѣ благоуханной.
Чаруя утомленный взглядъ
Мечтой о родинѣ желанной,
Цвѣтокъ, струящій сладкій ядъ,
Обвѣянь дремою туманной.

И если ядъ разлить въ росѣ,
Въ его слезѣ благоуханной,
И утѣшеніе въ красѣ
Безумной и внезапно странной,
Благословенъ въ его росѣ
По волѣ сладостно избранный.

Въ его отравленной росѣ
Благословляю жребій вольный.
Къ его таинственной красѣ,
Безумно злой и безглагольной,
Я устремляю думы всѣ
Въ моей задумчивости дольной.

И тихо наклоняюсь я,
Грустя въ задумчивости дольной,
Къ послѣднимъ склонамъ бытія,
Къ предѣламъ жизни своевольной.
Вотъ, жизнь безумная моя,
Сладчайшій ядъ для смерти вольной.

Онъ не знаетъ, но хочетъ, —
Оттого возрастаетъ, цвѣтеть,
Ароматныя сладости точить,
И покорно умереть.
Онъ не знаетъ, но хочетъ.

Непреклонная воля
Родилася во тьмѣ.
Только выбрана доля —
Та иль эта — въ умѣ.
Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,
Расцвѣсти ль, завенѣть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурныя петли,
Все равно — умереть или жить.

Невинный цвѣтъ и грѣшный аромат
Левкоя
Плѣнительнымъ желаніемъ томить
Покоя.

Такъ сладостно склоняться въ полуснѣ
Подъ тѣнью
Къ желанному и радостному мнѣ
Забвенью, —

Простивши все, что было въ жизни зломъ
И мукой,
Стереть и память даже о быломъ
Разлукой.

Предметы предметнаго міра, —
И солнце, и путь, и луна,
И всё колебанья эфира,
И всякая здѣсь глубина.

И все, что очерчено рѣзко,
Душѣ утомленной моей —
Страшилище звона и блеска,
Застѣнокъ томительныхъ дней.

Отъ свѣта спѣшу я въ чертоги,
Гдѣ тихой мечтою дышу,
Гдѣ вмѣстѣ со мною лишь боги,
Которыхъ я самъ возношу.

Безшумною тканью завѣшенъ
Чертога безмолвный порогъ.
Тамъ грѣхъ мой невинно-безгрѣшенъ,
И весело-свѣтель порокъ.

Никто не наложитъ запрета,
И грубое слово ничье
Не броситъ внезапнаго свѣта
На слово иль дѣло мое.

Я древнихъ заклятій не знаю
На той сторонѣ бытія,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта — только моя.

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Подавляйте смѣхъ.

Кто смѣется? Боги,
Дѣти, да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Забудь, что счастье ненадежно,
Довѣрься мнѣ,
И успокойся безмятежно
Въ блаженномъ снѣ.

Мгновенья сладкія сгорѣли, —
Но что тужить!
Для тайной и высокой цѣли
Намъ надо жить.

Въ обманахъ счастья земного,
Въ кипѣньи силъ,
Ты прелесть таинства иного
Уже вкусилъ.

Дышу дыханьемъ раннихъ росъ,
Зарю ландышей невинныхъ;
Вдыхаю влажный запахъ длинныхъ
Русалочьихъ волосъ, —

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосокъ;
Я слышу звонкій голосокъ
Погибшаго ребенка.

Она стонала надъ водой,
Когда ее любовникъ бросилъ.
Ея любовникъ молодой
На шею камень ей повѣсилъ.

Заслышавъ шорохъ въ камышахъ
Его лады и скрипъ отъ весель,
Она низверглась вся въ слезахъ,
А онъ еще былъ буйно весель.

И вотъ она передо мной,
Все та же, но совсѣмъ другая,
Надъ озаренной глубиной
Качается нагая.

Рукою вѣтку захвативъ,
Водою заревою плещеть.
Забыла темные пути
Въ сіяньи утреннемъ, и блещеть.

И я дышу дыханьемъ росъ,
Благоуханіемъ невиннымъ,
И влажнымъ запахомъ пустыннымъ
Русалкиныхъ волосъ.

Свободный вѣтеръ давно прошумѣлъ
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, —
А чуткая стрѣла
Надъ гордою башнею возвышеннаго дома
Все обращаетъ свое тонкое остріе
Къ далекой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли въ мгlistомъ безмолвіи.
Туманъ поднимается
Надъ топкими берегами рѣки.
Усталыя дѣти чего-то просятъ
И плачутъ.
Наступаетъ
Моя послѣдняя стража.
Дивный край недостижимъ, какъ прежде,
И Я, какъ прежде, только я.

Н О Ч Ь.

Уныло плавала луна
Въ волнахъ косматыхъ облаковъ,
Рыдала шумная волна
У мрачныхъ береговъ.

Уныло вѣтеръ завываль,
Качая вѣтви гибкихъ ивъ, —
На мягкихъ крыльяхъ сонъ леталь,
Тревоженъ и пугливъ.

КОМАРЪ-ПАЛАЧЪ.

Уидеешь порой изъ солнечной истомы
Въ лѣсной пріютъ, —
Но налетаютъ жалящіе гномы,
И крови ждуть.

Лѣсной тиранъ, несносная докука,
Комаръ-палачъ!
Твой тонкій пискъ томителенъ, какъ скука,
Какъ дѣтскій плачь.

Я къ ней пришелъ издалека.
Окрестъ, въ поляхъ, прохлада.
И будетъ смерть моя легка
И слаще яда.

Я взоры томные склонилъ.
Въ траву роса упала.
Еще дышу. Такъ мало силъ.
Такъ жизни мало.

Туманъ восходить, — и она
Идетъ, такъ тихо, въ полѣ.
Поетъ, — мнѣ пѣснь ея слышна, —
Поетъ о волѣ.

Пришелъ. Она ко мнѣ близка.
Въ ея очахъ отрада.
И смерть въ рукѣ ея легка
И слаще яда.

Измученный жгучею болью,
Горячею облитый кровью,
Пойми, гдѣ предѣлъ своеволью,—
Я муки сплетаю съ любовью.

Мучительный трудъ я приѣмлю
Отъ вѣчной, незыблемой Волы,—
Кто создалъ и небо, и землю,
Тотъ создалъ и таинство боли.

Въ безумномъ восторгѣ мученья
Дрожить беззащитное тѣло.
Забыты земныя влеченья,
И всякая похоть сгорѣла.

Вся прелесть и нечисть земная
Свивается призрачнымъ дымомъ.
Единою болью стеная,
Ты равенъ святымъ херувимамъ.

Къ престолу Творца и Владыки
Въ нетлѣнную радость вселенной
Твои воздыханья и крики
Восходятъ хвалою смиренной.

ЛЮЦИФЕРЪ ЧЕЛОВѢКУ.

Гармоніей небесныхъ сферъ
И я заслушивался прежде,
Но ты сказалъ мнѣ:—Люциферъ!
Внемли земной моей надеждѣ.

— Сойди ко мнѣ въ вечерній часъ,
Со мной вблизи лѣсной опушки
Побудь, внимая томный гласъ
Въ лѣсу зывающей кукушки.

— Я повторю тебѣ слова,
Земнымъ взлелѣяннымъ горемъ.
Томясь тоской, не разъ, не два
Я повѣрялъ ихъ тихимъ зорямъ.

— Къ твоимъ устамъ я вознесу
Мои вечернія отравы
И эту бѣдную росу,
Слезой лежащую въ травы.—

И я пришелъ въ вечерній часъ,
Съ тобою, вблизи лѣсной опушки
Стоялъ, внимая томный гласъ
Въ лѣсу зывающей кукушки.

Закатъ былъ нѣжно-тихъ и аль,
Поля вечернія молчали,
И я съ волненіемъ внималъ
Словамъ земной твоей печали.

Когда въ словахъ звучалъ укоръ,—
О, гдѣ вы, пламенные лики!—
Клонился твой усталый взоръ
Къ цвѣткамъ ромашки и гвоздики.

И я къ землѣ твоей приникъ,
Томясь тоской твоею вешней,—
Да омрачится горній ликъ!
Да будетъ сила въ скорби здѣшней!

Гармонія небесныхъ сферъ
Да будетъ сказкою земною!
Я—свѣтъ землѣ! Я--Люциферъ!
Люби Меня! Иди за Мною!

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится
шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: — Ты не бойся, ты не дуйся, я
засну.—

Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія расскажетъ отходящему ко сну.

Онъ про звѣздки расскажетъ, онъ расскажетъ про
луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну,

Промолчить про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ
по лону,
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину,—

Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ, и по-
никнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ
пробѣжитъ волна въ волну.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-свѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

— Зачѣмъ возрастаю? —
Снѣгурка спросила меня:
— Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камнямъ звеня,
И ты позабудешь меня. —

Снѣгурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрешь безъ укора,
Уснешь глубоко.

Въ молчаньи звѣздъ, въ дыханьи вѣтра съ полуночи
Улики явственныя есть.
О духи зла! закройте очи
И не мѣшайте мнѣ безропотно отцвѣсть.

Меня и васъ одна объемлетъ неизбежность,
Ненарушимъ всемірный строй.
Все должно быть: для жизни радость и мятежность,
Для смерти — тлѣнье и покой.

Если-бъ хотѣлъ я любить,
Если-бы могъ я желать, —
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни чего пожелать?

Только Отецъ Мой да Я,
Больше и нѣтъ никого.
Жизнь безъ хотѣнья — моя,
Воля безъ жизни — Его.

Зачѣмъ жемчугъ-роса въ травѣ?
Зачѣмъ янтарь-луна ясна, блѣдна?
Изъ лѣса фея вышла. Не одна.
Но сколько ихъ? Одна или двѣ?

Ночной-ли рой прозрачно-крылыхъ фей
Свиваетъ мглу въ волшебный кругъ,
И синихъ сколько въ немъ зарницъ—очей?
И кто бы смѣлъ считать подругъ?

Имъ счета нѣтъ, — одна или сто, —
И блещетъ свѣтъ, и плещетъ смѣхъ.
Но кто со мной въ долину той? Никто
Дневной ночныхъ не вѣдаетъ утѣхъ.

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Все зоветъ да манить отдохнуть.

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь отъ злого лица.
Чтобъ ее одолѣть, я стремлюсь
Расширять бытіе безъ конца.

Я—царевичъ съ игрушкой въ рукахъ,
Я—король зачарованныхъ странъ.
Я—невѣста съ тревогой въ глазахъ,
Богомолкой бреду я въ туманъ.

Мы скучной дорогою шли
По чахлой равнинѣ.
Уныло звучали шаги
На высохшей глинѣ,
А рядомъ печально росли
Березки на кочкахъ.
Природа больная! солги
Въ колосьяхъ, въ цвѣточкахъ.

Обмана мы жаждемъ и ждемъ,
Мы жаждемъ обмана.
Мы рвемся душой къ небесамъ
Изъ царства тумана.
Мы скучной дорогой идемъ
Вдоль скуднаго поля.
Томительно грезится намъ
Далекая воля.

Люблю тебя, твой милый смѣхъ люблю,
Люблю твой плачь, и быстрыхъ слезъ потоки,
И нѣжныя, краснѣющія щеки,—
Но у тебя любви я не молю,

И, можетъ быть, я даже удивлю
Тебя, когда прочтешь ты эти строки.
Мои мечты безумны и жестоки,
И каждый разъ, какъ взоръ я устремлю

Въ твои глаза, отравленное жало
Моей тоски въ тебя вливаетъ ядь.
Не знаешь ты, къ чему зоветъ мой взглядъ,

И онъ страшитъ, какъ остріе кинжала.
Мою любовь ты злобой назовешь,
И, ~~можетъ~~ можетъ быть, безгрѣшно ты солжешь.

Я не лгу, говоря, что люблю я тебя,
Но люблю для себя, и ласкаю губя.

Что мнѣ счастье твое, что мнѣ горе твое!
Я твое и свое сочеталъ бытіе,—

И на вѣчномъ огнѣ, на жестокомъ огнѣ
Мы въ безумной съ тобою сгоримъ тишинѣ,

И пылая, сгорая, другъ друга любя,
Позабудемъ весь міръ, забудемъ себя,

И великую жертву Творца повторимъ,
И сгоримъ передъ нимъ, и развѣмся въ дымъ.

Печальный ангелъ землѣ принесть
И розы крови, и жемчугъ слезъ.

Печальный ангелъ, зловѣщій взглядъ!
Ты здѣсь не медли,—вотъ твой нарядъ.

Надѣнь изъ злого земного тканьъ
Ты самъ,—а намъ сердцецъ не рань.

Изъ розъ кровавыхъ надѣнь вѣнокъ,—
Съ тобой, не съ нами разящій рокъ.

И жемчугъ въ бармы свяжи, сплети,
И въ Божье небо лети, лети.

Я умираю не спѣша,
Предсмертной тѣшусь я истомой.
Подобна грѣшная душа
Святой, на злую казнь влекомой.

Ее пытали палачи,
Съ нея совлеки всѣ одежды,
Но ихъ жестокіе бичи
Не умертвили въ ней надежды,

И въ смертный путь она идетъ.
Спокойны всѣ ея движенья.
Небесный вѣстникъ ей несетъ.
Вѣнецъ послѣдняго мученья.

Никто не убивалъ,
Онъ тихо умеръ самъ,—
Онъ блѣденъ былъ и малъ,
Но рвался къ небесамъ.

А небо далеко,
И даже—неба нѣтъ.
Пойми—и жить легко,—
Вѣдь тутъ же, съ нами свѣтъ.

Огнемъ горитъ эфиръ,
И ярки наши дни,—
Для ночи знаетъ мiръ
Внезапные огни.

Но онъ любилъ мечтать
О пресвятой звѣздѣ,
Какой не отыскать
Нигдѣ, — увы! — нигдѣ!

Дороги къ небесамъ
Онъ отыскать не могъ,
И тихо умеръ самъ,
Но умеръ онъ, какъ богъ.

АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ.

Грудь ли томится отъ зною,
Страшно ль смятеніе вьюгъ, —
Только бы ты былъ со мною,
Сладкій и радостный другъ.

Ангель благого молчанья,
Тихій смиритель страстей,
Нѣтъ ни вѣнца, ни сіянья
Надъ головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Станъ твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночп
Вѣютъ два легкихъ крыла.

Рѣшь надъ дольнымъ предѣломъ
Ты безъ меча, безъ луча,—
Только на поясѣ бѣломъ
Два золотые ключа.

Другъ неизмѣнный и нѣжный,
Тѣню прохладною крыль
Вѣкъ мой безумно-мятежный
Ты отъ толпы заслонилъ.

Въ тяжкіе дни утомленья,
Въ ночи безсильныхъ тревогъ,
Ты отклонилъ помышленья
Отъ недоступныхъ дорогъ.

Чѣмъ недоступнѣй, тѣмъ прекраснѣй,
Чѣмъ дальше, тѣмъ желаннѣй ты,—
И съ невозможностью согласнѣй!
Твои жемчужныя мечты.

Земное тягостное тѣло
Твоей святости не одѣло,
Тебѣ чужда земная рѣчь,—
Недостижимая богиня!
Земля—темница и пустыня,—
И чѣмъ бы ей тебя привлечь?

Лепестками завялыми
Вѣтеръ усѣялъ дорожки въ саду.
Медленно, шагами усталыми,
Отгорѣвъ, я иду.

Пламя таится въ крови, копится,
Скоро опять оно будетъ сжигать,
И теперь мечта торопится
Сладкій аромать впивать.

О, мечта запоздалая,
О, моя безумная сестра,
Ты, какъ я, усталая,—
Прошла, отошла пора.

Если хочешь поздняго счастья,
Обмани себя, зажги свой взоръ, какъ и я,
И сквозь холодъ безстрастїа
Вползетъ огневая змѣя,

Хмѣльный, ельный запахъ смоль
На дорогу вновь прольется.
Снова небу тихій доль
Безмятежно улыбнется.

Тамъ, гдѣ берегъ надъ рѣкой
Обовѣется полукругомъ,
Я пройду съ моей тоской
Надъ росистымъ, мгlistымъ лугомъ.

Я прильну къ землѣ опять
Въ равнодушїи усталомъ
Хоть немного помечтать
О нездѣшнемъ, небываломъ,

И Божественная Мать
Съ легкимъ, бѣлымъ покрываломъ
Мнѣ подарить снова сны
Утѣшающей весны.

Наряднѣй осени и лѣта,
Улыбкой юною согрѣта,
И весела и молода,
Вольнолюбивою весною
Она сіяла предо мною,
Какъ незакатная звѣзда.

Но странно,—отзвуки печали
Въ ея рѣчахъ всегда звучали,
Такія горькія слова
Она порой произносила,
Что скорби мстительная сила
Брала мгновенныя права.

Потомъ опять цвѣла улыбкой.
Хотѣлось вѣрить, что ошибкой
Слова упали съ милыхъ устъ,—
Какъ иногда шалунъ проказникъ,
Въ лѣсу бродя въ веселый праздникъ,
Посадить грибъ на свѣжій кустъ.

Мечами скорби ты исколотъ,
Но дни звенящiе близки.
Не застоится вѣщiй солодъ
Въ болотѣ мертвенной тоски.
Ключи вливають тонкiй холодъ
Въ прохладу нѣжную рѣки.

Но ты прохладой не утѣшенъ,
Мечты къ восторгамъ устремивъ.
Вода мутна,—водою взвѣшенъ
Надменныхъ горъ истертый смывъ:
Еще недавно былъ такъ бѣшенъ
Ея стремительный разливъ.

Благослови законъ природы,
Благослови паденье водъ.
Въ стремленьи силъ твоей свободы
Восходъ, паренье и заходъ.
Единой Волей мчатся воды,
Въ Единой Волѣ—мигъ и годъ.

Любить ночь моя туманы,
Любить блѣдный свѣтъ луны,
И гаданья, и обманы,
И таинственные сны.

Любить дѣвушекъ веселыхъ
Вдругъ влюбить въ свою луну,
И русалокъ любить голыхъ,
Поднимающихъ волну.

И меня немножко любить,—
Зазоветъ меня къ лунѣ,
Зацѣлуешь, и погубить,
И забудетъ обо мнѣ.

Понявъ механику міровъ
И механичность жизни дольной,
Въ чертогахъ пышныхъ городовъ
Мы жили общиной довольной,

И не боялись мы Суда,
И только передъ милымъ прахомъ
Вдругъ зажигались иногда
Стыдомъ и острымъ страхомъ.

Возникъ одинъ безумецъ тамъ,
И, можетъ быть, уже послѣдній.
Онъ повторилъ съ улыбкой намъ
Минувшихъ лѣтъ смѣшныя бредни.

Не понимая, почему
Въ его устахъ цвѣтутъ улыбки.
Мы не повѣрили ему.
Къ чему намъ ветхія ошибки!

На берегъ моря онъ бѣжалъ,
Гдѣ волны бились и стонали,
И въ гимны звучные слагалъ
Слова надежды и печали.

Такъ полюбилъ онъ мглу ночей
И тихо плещущія рѣки,
Что мѣсть искалъ, гдѣ нѣтъ людей,
Гдѣ даже не было бѣ аптеки,

И умирая, онъ глядѣлъ
Въ небесный многозвѣздный куполь,
Людей не звалъ, и не хотѣлъ,
Чтобъ медикъ пульсъ его пощупалъ.

Голосъ нашъ ужасенъ
Нашимъ домовымъ;
Взоръ нашъ имъ опасенъ,—
Тають, словно дымъ.

И русалки знаютъ,
Какъ мы, люди, злы,—
Вдалекѣ блуждаютъ
Подъ защитой мглы.

Нечистъ вся боится
Человѣчьихъ глазъ,
И спѣшитъ укрыться,—
Сглазимъ мы какъ разъ.

Утро ласковое звонко.
Вѣтъ легкій воздухъ тонко
У склоненнаго чела,
И тоска души пугливой
Въ этой ласкѣ шаловливой
Лучезарно умерла.

Ты воскреснешь скоро, злая.
Минетъ краткій праздникъ мая,
Яркій змѣй на небесахъ
Надо мною въ полдень станеть,
Грудь мнѣ стрѣлами изранить, —
Ты придешь въ его лучахъ.

Злой драконъ, горящій ярко тамъ, въ зенитъ,
Протянувшій всюду пламенныя нити,
Опалившій душнымъ зноемъ всю долину,—
Злой драконъ, побѣду ты ликуешь рано!
Я изъ темнаго, глубокаго колчана
Для тебя стрѣлу отравленную выну.

Предъ тобою съ лукомъ стану безъ боязни
Я, свершитель смѣлый беспощадной казни,
Я, предсказанный и все-жъ неожиданный мститель.
Лукъ тугой стрѣла покинетъ съ мѣднымъ звономъ.
Ты на вызовъ мой отвѣтишь тяжкимъ стономъ,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!

Не плачь, утѣшься, вѣрь,
Не повторяй, что умеръ сынъ твой милый,—
Не вовсе онъ оставилъ мѣръ постылый.
Онъ тихо стукнетъ въ дверь,

Съ привѣтными словами
Войдетъ къ тебѣ, и станетъ цѣловать
Тебя, свою утѣшенную мать,
Безгрѣшными устами.

Лишь только позови,
Онъ будетъ приходить къ тебѣ, послушный,
Всегда, какъ прежде, дѣтски-простодушный,
Дитя твоей любви.

Исхудалый и усталый,
Онъ идетъ одинъ въ пустыню.
Ищетъ, блѣдный и усталый,
Сокровенную святыню.

Знаетъ онъ,—въ пустынь скудной
Есть источникъ говорливый,
Онъ поетъ пустынь скудной
О странѣ, всегда счастливой.

Возлѣ самаго истока
Положилъ пророкъ скрижали.
Струи свѣтлаго потока
Много лѣтъ ихъ цѣловали.

Надъ скрижалями поставилъ
Онъ сосудъ священный съ муромъ.
Онъ тому его оставилъ,
Кто придетъ съ душевнымъ миромъ,

Склонить радостно колѣни,
И рукою дерзновенной
На себя, склонивъ колѣни,
Изольетъ елей священный.

Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нѣтъ утоленія ему.

А было время,—простодушно,
Хоть и нелѣпо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболѣпная была.

Ты въ тайнѣ зрѣла, возрастала,
Ты извивалась, какъ змѣя,—
О мысль моя, ты побывала
На всѣхъ просторахъ бытія.

И чѣмъ меня ты обольстила?
Къ чему меня ты увлекла?
Ты ничего мнѣ не открыла,
И много, много отняла.

Восходить солнце, какъ и прежде,
И свѣтитъ нѣжная луна,
И обаятельной надеждѣ
Душа безсмертная вѣрна,

И ясенъ путь мнѣ, путь мой правый,
Я не могу съ него свернуть,—
Но неустанно умъ лукавый
Хулить единый правый путь.

О, если-бъ бурнымъ дуновеньемъ
Его коварство разнесло,
И всепобѣднымъ вдохновеньемъ
Грозу внезапную зажгло!

О, если-бъ огненные крылья!
О, если-бъ въ буйствѣ бытія,
Шипя отъ злобы и безсилья,
Сгорѣла хитрая змѣя!

Преодолювъ тяжелое коснѣнье
И долгій путь причинъ,
Я самъ—творецъ, и самъ—свое творенье,
Безстрастенъ и одинъ.

Ко мнѣ струилось пламенное слово.
Блестая, дивный мечъ,
Архангеломъ направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Такъ, свѣтлые владыку не узнали
Въ скитальцѣ и рабѣ,
Но я разбилъ старинныя скрижали
Въ томительной борьбѣ.

О грозное, о древнее сверканье
Небеснаго меча!
Убий раба за дерзкое исканье
Эдемскаго ключа.

Исполнилъ рабъ завѣщанное дѣло:
Въ пыли земныхъ дорогъ
Донесъ меня до вѣчнаго предѣла,
Гдѣ я—творецъ и богъ.

Какъ часто хоронятъ меня!
Какъ часты по мнѣ панихиды!
Но нѣтъ для меня въ нихъ обиды,
Я выше и Ночи, и Дня.

Усталостью къ отдыху клонять,
Болѣзнями тѣло томить,
Печалями со свѣта гонять,
И ладаномъ въ очи дымять.
Мой путь передъ ними не понять,
Вѣнецъ многоцвѣтный измять,—
Но какъ ни поють, ни хоронять,
Мой свѣтъ отъ меня не затмятъ.

Оставьте ненужное дѣло,
Направьте обратно ладью,—
За грозной чертою предѣла
Воздвигнулъ я душу мою.
Великой зарею зардѣла
Любовь къ моему бытію.
Вселенское, мощное тѣло
Всемирной душѣ создаю.

Ладью мою вѣчно стремите
Къ свершенію творческихъ дѣлъ,—
И если найдете предѣлъ,
Отпойте меня, схороните!

Два солнца горятъ въ небесахъ,
Посмѣнно возносятся лица
Благого и злого владыки,
То радость ликуеть, то страхъ.
Драконъ сожигающій, дикій,
И Геліосъ, свѣтомъ великій,—
Два солнца въ моихъ небесахъ.

Внимайте зловѣщему крику,—
Верховный идетъ судія.
Вѣнчайте благого владыку,
Сражайтесь съ дракономъ, друзья.

Грустное слово—конецъ!
Милое слово—предѣлъ!
Молотомъ скованъ вѣнецъ,
Золотомъ онъ заблестѣлъ.

Ужасъ царилъ на пути.
Злобно смѣялась нужда.
Злобѣ не льсти и не мсти,—
Вѣчная блещетъ звѣзда.

Блуждали молитвы мои
По росистымъ тропинкамъ земли,
И роптали онѣ, какъ ручьи,
И кого-то искали вдали.

И думы мои холодѣли,
Какъ грезы въ монашеской кельи,
И грезы, какъ звѣзды, блестѣли,
Въ лазурномъ и ясномъ весельи.

Все почивающее свято,
Въ смятенны жизни— зло и грѣхъ.
Томила жизнь меня когда-то
Надеждой лживою утѣхъ.

Ея соблазны были многи,
И утомленья безъ числа.
Въ великолѣпные чертоги
Она мечты мои звала,
И на жестокия дороги
Меня коварно увлекла.

Но близость кроткой смерти чую,
Уснули гордыя мечты.
Я жду смиренно, не тоскуя,
Благой и вѣщей темноты.

И если жить мнѣ надо снова,
Съ собой я жизни принесу
Успокоенія святого
Невозмутимую красу.

Какая тягостная встрѣча!
Какая грусть и суета!
Зачѣмъ, судьбѣ противорѣча,
Ты все борьбою занята?

Нерасторжимы эти звенья.
Тебѣ навѣки быть рабой.
Лежать-же тяжкіе каменья
Покорно въ гулкой мостовой,—

Не прекословятъ-же ступени,
Когда, всходя отъ сѣни къ сѣни
Иль нисходя, по нимъ идутъ,—
Не прекословитъ листъ дрожащій,
Когда рукою злой и мстящей
Его съ другими съ вѣтки рвутъ.

О, покорись, пока не поздно,
Пока не минулъ ясный день,
Пока на долъ не пала грозно
Всеусмиряющая тѣнь.

Касатки качаются
Надъ тихою водою,
Качаются, прощаются
Съ недолгою красой.

Качаются касатки
У зыбкой глубины,
И бѣдные лунатики
Въ ихъ прелесть влюблены.

Лѣсъ, озаренный луною,
Ждетъ, не дождется чудесъ.
Тѣни плывутъ надъ рѣкою.
Звѣзды сіяютъ съ небесъ.

Въ полѣ, въ одеждѣ туманной,
Ходитъ невѣдомый сонъ.
Въ сонъ, непонятный и странный,
Лѣсъ, какъ душа, погруженъ.

Въ глубокой часъ молчанія ночного
Тебѣ я слово тайное шепну.

Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.

Довѣрься мнѣ опять, иди за мною,
На здѣшній мѣръ не поднимая глазъ,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный свѣточъ не угасъ,—

И все, о чемъ душа твоя томится,
И для чего не надо слезъ и словъ,
Передъ тобою загорится
Въ ночной странѣ безмолвныхъ сновъ.

Твоя печаль осѣнена
Сосною мрачною да березой.
Къ тебѣ лѣсная тишина
Прильнула съ ласковою грезой.

Сегодня поутру лоза
Твое лобзала жадно тѣло,
А здѣсь—последняя слеза
Съ твоей щеки сейчасъ слетѣла.

И жгучій стыдъ, и боль, и страхъ
Уже забыты понемногу,—
Ручей звенить, и лугъ въ цвѣтахъ,
На волѣ ты,—и слава Богу.

Ландышъ вдали отъ ручья,
Сердце твое томится и вянетъ.
Знай, дитя, что улыбка твоя
Не обманетъ.

Позднихъ цвѣтовъ аромать,
Лѣса осеннія краски.
Грустятъ улыбки, и грустятъ
Свѣтлые глазки.

Отнята отъ раздолья морей,
Морская царица на сушѣ.
Душа твоя свѣта свѣтлѣй,
Изражена о грубыя души.

Моею кровью я украшу
Ступени, бѣлыя давно.
Подставьте жертвенную чашу,
И кровь пролейте, какъ вино.

Надъ дымкой и тяжелой чашей
Соединяйтесь,—я зову.
Здѣсь, въ чашѣ, капли крови вашей,
А на ступеняхъ я живу.

Обжегъ я крылья серафимамъ,
Оберегавшимъ древній храмъ,
И восхожу багровымъ дымомъ
Къ давно затвореннымъ дверямъ.

Смѣлѣе ставьте ваши ноги
На пятна красныя мои,
И умножайте на дорогѣ
Багряно жаркія струи.

Что было древней, темною кровью,
То будетъ новое вино,
И молотъ, поднятый любовью,
Дробить послѣднее звено.

Пышенъ мой городъ и святъ
Мраморнымъ и золотымъ.
Нѣга роскошная вся
Такъ недоступна чужимъ.

Мимо суровыхъ людей,
Мимо закрытыхъ воротъ,
Не подымая очей,
Отрокъ усталый идетъ.

Рваное платье въ пыли,
Ноги изранены въ кровь.
Бѣдное чадо земли!
Скудная наша любовь!

Что-же любовь призывать
По каменистымъ путямъ!
Дальше, туда, гдѣ трава
Тихо приникнетъ къ ногамъ.

Какой-то хитрый чародѣй
Разъединилъ мое сознанье
Съ природою моею,—
И въ этомъ все мое страданіе.

Но если дремлетъ онъ порой,
И колдовство оставитъ,—
Уже природа не лукавитъ,
Не забавляется со мной.

Послушна и правдива,
Она приблизится ко мнѣ.
Въ ея бездонной глубинѣ
Я вижу дѣвственныя дива.

Бѣлый ангель нѣдо мною,
И безкровныя уста
Безмятежной тишиною
Исповѣдуютъ Христа.

Ангель жжетъ полночный ладанъ.
Я—кадило передъ нимъ,
И въ цѣпяхъ моихъ разгаданъ
Дымъ кадильный, тихій дымъ,—

Возношенье, воздыханье
У спасающихъ иконъ,
Свѣчь отрадное мечтанье,
Утѣшительный канонъ.

О полночи съ постели
Молиться ты сошла.
Лампады пламенѣли,
Въ углахъ дрожала мгла.

И ангелъ легкокрылый
Съ таинственной судьбой
Невѣдомою силой
Повѣялъ надъ тобой.

Склонила ты колѣни,
И ангелъ осѣнилъ
Тоскующія тѣни
Отрадной сѣнью крыль.

Живи и вѣрь обманамъ,
И сказкамъ, и мечтамъ.
Твоимъ душевнымъ ранамъ
Отрадный въ нихъ бальзамъ.

И жизни переменной
Нектаръ кипучій пей,
Напитокъ сладко-пѣнный
Желаній и страстей.

За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной,
Природы не пытай.

Вѣщаютъ тайну тѣни.
Для смѣлаго ума
Въ нихъ смертныя ступени,
Предсказанная тьма.

О, смертный, вѣрь обманамъ,
И сказкамъ, и мечтѣ,
Дивись мірскимъ туманамъ,
Какъ вѣчной красотѣ.

Въ моей лампадѣ ясный свѣтъ
Успокоенья,
Но все грѣхамъ прощенья нѣтъ,
Все нѣтъ забвенья.

Нисходитъ въ сердце тишина,
Мнѣ чужды битвы,
И жизнь безрадостно ясна,
Но нѣтъ молитвы.

Я на тебя съ тоской гляжу,
Моя икона,
И невнимательно твержу
Слова канона.

О, помолись же за меня,
Моя усталость,
Ко мнѣ молитвой преклоня
Господню жалость.

Чего не доставало
Судьбѣ моей донинѣ,
Отнынѣ близко стало,
И ярко засіяло
Въ моей нѣмой пустынѣ.

На розсыпяхъ песчаныхъ
Цвѣтутъ внезапно крины,
И въ одѣяньяхъ рдяныхъ
Гонцы изъ странъ багряныхъ
Примчались на долины.

Во мнѣ молитва рождена
 Полночной тишиною,
И къ небесамъ вознесена
 Томительной луною.

Молитва тихая во мнѣ
 Туманомъ бѣлымъ бродить
И въ полуночной тишинѣ
 Къ моимъ звѣздамъ восходить.

Для меня ты только сѣмя.
Ты умрешь,—настанетъ время,—
Жизнерадостную душу
Я стремительно разрушу,
И въ могилу брошу тѣло,
Чтобъ оно во тьмѣ истлѣло.
Изъ погибшаго земного
Созидать я стану снова.
Новый родъ къ тому-жъ обману
Вызывать я къ жизни стану,
Новыхъ образовъ броженье
Вознесу въ осуществленье,—
Но для всѣхъ одна кончина.
Все различно, все едино.

Мы поздно встрѣтились. Веселости чужда
Моя душа, пропитанная ядомъ
Порочныхъ думъ и чувствъ, и тайнаго стыда,
И жажды злыхъ страстей съ позоромъ ихъ и чадомъ.

Мы поздно встрѣтились. Отрадныя слова
Я позабылъ давно, какъ дѣтскій сонъ неясный,
Къ душѣ коснувшійся едва,
Къ душѣ и суетной и страстной.

Ты—юная, ты—рѣзвая,—но ты
Смутишься предъ моей томительною страстью.
Ты не поймешь моей мучительной мечты,
Къ иному устремиться счастью.

Ты—царь, Рѣшеткой золотою
Ты садъ усладъ своихъ обнесъ,
И за рѣшеткой золотою
Взростилъ расцвѣты алыхъ розъ.

И сквозь скованные кольца
Благоуханныя мечты
Глядятъ за скованные кольца
На придорожные цвѣты.

Ты за рѣшеткою литою
Порой раздвинешь яркій кусть.
Тамъ, за рѣшеткою литою
Смѣются розы царскихъ усть.

Презрѣлъ широкия раздолья,
Вдыхаешь алый ароматъ.
Тебя широкия раздолья
Тоской по волѣ не томятъ.

Настроеній мимолетныхъ .
Волны зыбкія бѣгутъ
И стремленій безотчетныхъ
Пѣну мутную несутъ.

Смѣной ихъ нетерпѣливой
Какъ душа утомлена!
Какъ тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Лаской, нѣгой, пѣсней звучной,
О, волшебница любовь.
Задержи полетъ докучный
Исчезающихъ часовъ!

Оборви рукою нѣжной
Ту связующую нить,
Что изъ сердца въ міръ безбрежный
Я, безумецъ, вадумалъ свить!

Отгони своимъ дыханьемъ
Звуки жизни, жизни сны,
И повѣй очарованьемъ
Расцвѣтающей весны.

Очаруй мой духъ унылый,
Утомленный и больной,
Грезой дѣвственной и милой,
Неблѣднѣющей мечтой.

Степь моя:
Ширь моя!
Если отрокъ я,
Раскрываю я
Желтенькій цвѣтокъ,
Зажигаю я
Желтенькій, веселенькій, золотой огонекъ.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой земной, золотой огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Если дѣва я,
Раскрываю я
Аленькій цвѣтокъ,
Зажигаю я
Аленькій, маленькій, красный огонекъ.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь!
Не гаси ты мой ясный, красный огонь!

Степь моя!
Ширь моя!
Вѣю, вѣю
Раскрываю я
Желтенькіе, аленькіе цвѣтки,
Зажигаю я
Золотые, красные огоньки.

Ты цвѣтковъ моихъ не тронь, не тронь
Не гаси ты мой красный, золотой огонь.

Вы не умѣете цѣловать мою землю,
Не умѣете слушать Мать Землю сырую,
Такъ, какъ я ей внемлю,
Такъ, какъ я ее цѣлую.

О, приникну, приникну всѣмъ тѣломъ
Къ святому материнскому тѣлу,
Въ озаренъи святомъ и бѣломъ
Къ послѣднему склонюсь предѣлу,—

Откуда вышли цвѣты и травы,
Откуда вышли и вы, сестры и братья.
Только мои лобзанья чисты и правы,
Только мои святы объятья.

Я опять, какъ прежде, молодъ,
И опять, какъ прежде, малъ.
Поднимавшій въ небѣ молоты
Надо мною, задремалъ.

И съ врагомъ моимъ усталымъ
Я бороться не хочу.
Улыбнусь цвѣтками алыми,
Зори въ небѣ расцвѣчу.

Бѣлыхъ тучекъ легкой мраморъ—
Изваяній быстрыхъ рядъ.
Пѣна волнъ плескучихъ на морѣ
Вновь обрадовала взглядъ.

Я слагаю сказки снова,
Я опять, какъ прежде, малъ
Дремлетъ молнія лиловая,
Громовержецъ задремалъ.

Плеснула рыбка подь водой,
И покачнулась тамъ звѣзда.
Песокъ холодный и сырой,
А въ рѣчкѣ теплая вода.

Но я купаться подожду,—
Слегка кружится голова,—
Сперва я берегомъ пройду.
Какая мокрая трава!

И какъ не вздрогнуть, если вдругъ
Лягушка прыгнетъ стороной,
Иль невзначай на толстый сукъ
Наступишь голою ногой!

Я не боюсь, но не пойму,
Зачѣмъ холодная трава,
И темный лѣсъ, и почему
Такъ закружилась голова.

Какъ согласно сердце бьется
Съ полуночной тишиной!
Какъ послушно подается
Прахъ дорожный подо мной!

Ночь свѣтла, мнѣ сны не снятся,
Я въ поляхъ иду босой.
Тихо травы серебрятся,
Брызжутъ на ноги росой.

Рѣчка плещетъ и струится
Тамъ, за тихую горой,
Чтобъ со мной повеселиться
Смѣхомъ, пляской да игрой.

Какъ отраднo окунуться,
Брызгать теплою водой!
Только ты не смѣй проснуться,
Водяной, старикъ сѣдой!

Прошли предъ вами времена,
Свершились знаменья и сроки,
И начертали письмена
На свиткахъ пламенныхъ пророки

И въ довершенъе чудесамъ
Страданья подвига подъемлю
И, человѣкомъ ставши, самъ
Пришелъ на стынущую землю

Святыя зерна божества
Вложить въ двухсмысленныя рѣчи,
Открыть законы единства
И тождества противорѣчій.

Освобождая отъ грѣха,
Отъ лютыхъ каръ несовершенства,
Я въ звонѣ каждаго стиха
Дарю вамъ радуги блаженства.

Ликуй, звени, блести, мой легкій, тонкій стихъ,
Ликуй, мой звонкій стихъ, о радостяхъ моихъ.

Я кроткою мечтой тоску преодолѣлъ,
И сладко полюбилъ, и нѣжно пожалѣлъ.

И такъ люблю, губя,—и такъ, любя, гублю,
И погубивъ, опять прильну,—и оживлю.

Васильки на поляхъ ослезились росой,—
Васильки твоихъ глазъ оросились слезой.

Пробѣжалъ вѣтерокъ по румянымъ цвѣтамъ.—
Пробѣжала улыбка по алымъ губамъ.

И улыбка, и слезы,—и смѣхъ, и печаль,—
Миновавшей весны благодатная даль!

Я вѣрю въ творящаго Бога,
Въ святыя завѣты небесъ,
И вѣрю, что явлено много
Безумному міру чудесъ.

И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ—
Блаженно-невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

Бѣлый мой цвѣтокъ, таинственно-прекрасный,
Изъ моей земли, изъ черной ты возникъ,
На меня глядишь ты, вѣжнѣй и безгласный,
И понятенъ мнѣ безмолвный твой языкъ.

Ты возникъ изъ тьмы, моей мечтѣ навстрѣчу,
Ты зовешь туда, откуда вышелъ ты,—
Я твоимъ вѣщаньямъ не противорѣчу,
Къ твоему дыханью наклонивъ мечты.

Забѣлѣлся туманъ за рѣкой,
Этотъ берегъ совсѣмъ не высокъ,
И деревья стоятъ надъ водой,
И теперь я совсѣмъ одинокъ .

Я въ кустахъ поищу хворостинт,
И въ костеръ ихъ на берегъ сношу,
И подъ ними огонь воскресу,
Посижу, помечтаю одинъ.

И потомъ, по теченію рѣки,
Потихоньку пойду босикомъ, —
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близокъ мой домъ.

Догорѣла свѣча,
И луна поблѣднѣла.
Мы одни, — ты свѣтла, горяча, —
Я люблю твое стройное тѣло.

Къ загорѣлымъ стопамъ
Я приникнулъ устамъ, —
Ты ходила по жесткимъ тропамъ,
Проходила босыми ногами.

Принесла мнѣ цвѣты
Изъ высокаго края, —
Ты собирала святыя мечты,
Надъ зіяющей бездной играя.

Подъ черемухой цвѣтущей
Я лежалъ въ іюльскій зной,
И вероники ползущей
Цвѣтъ увидѣлъ голубой.

Стало весело. На небѣ-ль,
На землѣ-ли я, не зналъ.
Я сорвалъ ползучій стебель,
И листки поцѣловалъ,

И, покрыты волосками,
Были нѣжны тѣ листки,
Словно я прильнулъ губами
Къ локтю дѣвичьей руки.

Любовью легкою играя,
Мы обрѣли блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшаго, чѣмъ Божій рай.

Лаская тоненькія руки
И ноги милыя твои,
Я изнывалъ отъ сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

Съ тобою на лугу несмятомъ
Цѣлуясь въ тѣни березъ,
Я упивался ароматомъ,
Благоуханнѣй алыхъ розъ.

Рѣзвѣй веселаго ребенка,
Съ невинной нѣжностью отецъ,
Ты лепетала звонко, звонко,
Какъ не лепечеть и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только въ первый рай:
То не вино текло играя,
То пѣна била черезъ край,

И два глубокіе бокала
Изъ тонко-звонкаго стекла
Ты къ свѣтлой чашѣ подставляла
И пѣну сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тѣльно-алыя стекла.
Бѣлѣй лилей, алѣе лаала
Бѣла была ты и ала.

И въ звонахъ ласково-кристальныхъ
Отраву сладкую тая,
Была милѣе дѣвѣ лобзальныхъ
Ты, смерть отрадная моя!

Блаженство въ жизни только разъ,
 Безумный путь,—
Забыться въ морѣ милыхъ глазъ,
 И утонуть.

Едва надменный Савль вступилъ
 На путь въ Дамаскъ,
Ужъ онъ во власти нѣжныхъ силъ
 И жгучихъ ласкъ.

Его глаза слѣпитъ огонь
 Небесныхъ нѣгъ,
И стройно-тонкая ладонь
 Бѣла, какъ снѣгъ.

Надъ нимъ возникъ свирѣлый плачь
 Въ пыланьи дня:
„Жестокій Савль! о злой палачъ,
 Люби меня!“

Нѣтъ, Павла Савломъ не зови:
Святымъ огнемъ
Апостоль сладостной любви
Возставленъ въ немъ.

Блаженство въ жизни только разъ,
Отраднѣй путь!
Забыться въ морѣ милыхъ глазъ,
И утонуть.

Забывъ о томъ, какъ названъ ты
Въ краю отцовъ,
Спѣшить къ безмѣрностямъ мечты
На смѣлый зовъ.

О, знойный путь! о, путь въ Дамаскъ!
Безумный путь!
Замкнуться въ кругѣ сладкихъ ласкъ,
И утонуть.

Я долженъ быть старымъ,
И мудрымъ,
И ко всему равнодушнымъ,
Съ каменѣющимъ сердцемъ
И съ презрительнымъ взоромъ,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мнѣ мой жребій:
Жить лишь только послѣ смерти
Безтѣлесною тѣнью,
Легкимъ звукомъ,
Пыльною радостью
Чудака книгочія...

А все же нагое тѣло
Меня волнуетъ,
Какъ въ юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И все, что можно
Цѣловать и ласкать.

И если ты, милая,—
Капризная, но вовсе не злая,—
Хочешь моего яснаго взгляда,
Моей свѣтлой улыбки,
Моего легкаго прикосновенія,—
А что же больше я могу
Дать или взять?—
Знай, знай,—
Мнѣ ненавистно
Твое нарядное платье
Скрипучаго шелка
Съ желтыми кружевами,
И ароматный даръ стараго Пино,
И даже твои сквозныя
Рукавички
Съ глупымъ и смѣшнымъ названьемъ.

Блаженный ликъ Маира
Склоняется къ Ойле.
Звенить призывно лира,—
И вотъ начало пира
Въ вечерней полумглѣ.

По мраморной дорогѣ,
Прекрасны, словно боги,
Они выходятъ въ садъ.
У старшихъ наги ноги
И радостенъ нарядъ,

А тѣ, что помоложе,
Совсѣмъ обнажены,
Загаръ на тонкой кожѣ,
И всѣ они похожи
На вѣстниковъ весны.

У мальчиковъ цѣвницы
Звенятъ, поютъ въ рукахъ,
И голыя дѣвицы
Веселыя въ поляхъ.

Подъ мирный рокоть лирный
Работа весела,
И ясный свѣтъ Маирный
Золотить ихъ тѣла.

Съ веселой пѣсней смѣшанъ
Машины жнущей стукъ,
И ходъ ея поспѣшенъ
Подъ властью нѣжныхъ рукъ.

Часы работы краткой
Надъ нивой пролетятъ,
И близокъ отдыхъ сладкій
Подъ сводами палатъ.

Она зарей ко мнѣ пришла, ..
Взглянула, засіяла, —
Лаская нѣжно, обняла
И долго цѣловала.

И повела потомъ она
Меня изъ дома рано,
Едва была озарена
Туманная поляна.

И все предъ нею расцвѣло,
И солнце восходило,
И неожиданно свѣтло
И весело мнѣ было.

Она показывала мнѣ
На небѣ и въ долинѣ,
Чего я даже и во снѣ
Не видывалъ донинѣ.

И улыбаясь, и дивясь,
Она ко мнѣ склонилась.
Заря въ лицѣ моемъ зажглась,
И сердце быстро билось.

Ея созвучныя слова
Мнѣ слушать было ново.
Шептали что-то мнѣ трава,
И воздухъ, и дуброва.

Ручьи у ногъ моихъ текли,
И звучно лепетали,
И вихри пыльные вдали
Кружились и плясали.

И весь лежащій предо мной
Подъ солнцемъ кругъ огромный
Едва лишь только предъ зарей
Возникъ изъ ночи темной.

Приди опять ко мнѣ скорѣй!
Ты мнѣ всего желаннѣй.
Въ просторы новые полей
Веди порою ранней,

Чтобы опять увидѣть мнѣ
На небѣ и въ долинѣ,
Чего въ окрестной сторонѣ
Я не видалъ донинѣ.

Нѣтъ, не одно только горе,—
Есть же на свѣтѣ
Алая розы и зори,
И беззаботныя дѣти.

Пусть въ небесахъ догораютъ
Зори такъ скоро,
Пусть наши розы роняютъ
Скоро уборы,

Пусть омрачаются рано
Властію зла и обмана
Дѣтскіе взоры,—
Розы, и зори, и дѣти
Будутъ на пасмурномъ свѣтѣ.

Вдали, надъ затравленнымъ звѣремъ,
Звенить, словно золотомъ, рогъ.
 Не скучень бояринъ теремъ,
 И взоръ ея нѣженъ и строгъ.

Звенить надъ убитымъ оленемъ,
Гремитъ торжествующій рогъ.
 Коса развилась по колѣнямъ,
 И взоръ и призывень, и строгъ.

Бояринъ стоитъ надъ добычей,
И рогъ сладкозвучень ему.
 О, женскій лукавый обычай!
 О, сладкіе сны въ терему!

Но гдѣ-же, бояринъ, твой кречеть?
Гдѣ вѣрный сокольникій твой?
 Онъ рѣчи лукавыя мечеть,
 Цѣлуясь съ твоею женой.

Радостно-чистый
Образъ простой красоты,
Милый, какъ ландышъ душистый,—
Это, смиренная, ты.

Вѣчно въ загонѣ,
Вѣчно въ тяжелыхъ трудахъ.
Сестры—лѣнивыя сони,
Домъ у тебя на рукахъ.

Чѣмъ тебѣ плотять?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотятъ!
Ты говоришь: не бѣда!

Только немного,
Если ужъ станетъ не въ мочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

Ясные глазки
Золушка, вытри скорѣй,
Вѣрь въ исполненіе сказки,
Жди утѣшительныхъ дней.

Скоро хрустальный
Будеть готовъ башмачекъ,
И повезутъ тебя въ дальній,
Раззолоченный чертогъ.

Радостно-чистый
Образъ простой красоты,
Милый, какъ ландышъ душистый,—
Это, смиренная, ты.

Вечеръ мирный наступилъ,
День за рощею почилъ,
Въ рощѣ трепетная мгла
И прозрачна, и свѣтла.
Изъ далекой вышины
Звѣзды первыя видны.
Между небомъ и землею
За туманною чертой
Сны вечерніе легли,
Сторожа покой земли.

Окно царица-небылица
Открыла въ теремѣ своемъ.
Мелькнула быстрая зарница,
И прокатилась колесница.
Ея возница—дальній громъ.

Наводитъ птичій грай истому,
Докучный грай вороньихъ стай.
О, поспѣшай, какъ птица, къ дому,
Гробницъ и лицъ не замѣчай.

Сладко мечтается мнѣ,
Слабо мерцаетъ лампада,
Тѣни скользятъ по стѣнѣ,
Тихо мечтается мнѣ
Тайная сердцу услада.

Рядомъ со мной ты опять,—
Я-ль не отдамся отрадѣ?
Сладко съ тобой мнѣ мечтать,
Сердце трепещетъ,—опять
Радость въ потушенномъ взглядѣ.

Ночь усмирила меня,
Нѣтъ голосовъ и огней.
Только желаніемъ дня
Будить мечты соловей.

Только предъ тѣмъ, чтобы спать,
Полная свѣтитъ луна.
Лечь-то я легъ на кровать, —
Глазъ не отвести отъ окна.

Всталъ-бы, пошелъ поскорѣй
Тамъ, по травѣ, по сырой.
Нѣтъ, на подушкѣ моей
Сонъ надъ моей головой.

Подъ сѣнью тилій и темалъ,
Склонясь на бѣлые киферы,
Я улыбаясь задремалъ
Въ объятыхъ милой Мейтанеры,

И, затаивши два огня
Въ очахъ за синія зарницы,
Она смотрѣла на меня
Сквозь дымно-длинные рѣсницы.

Въ передзакатной тишинѣ
Смирная пляской ярость Змѣя,
Она показывала мнѣ,
Какъ пляшетъ зыбкая алмея.

И вся бѣла въ тѣни темаль,
Бѣлѣй, чѣмъ нѣжный цвѣтъ кипера,
Отбросивъ скуку покрываль,
Плясала долго Мейтанера.

И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
Къ благоуханью аэры алой.

Иду въ лѣсу. Медлительно и странно
Вокругъ меня колеблется листва.
Моя мечта, безцѣльна и туманна,
Едва слагается въ слова.
И знаю я, что ей слова ненужны, —
Она дыханія нѣжныи,
Ея вѣщанія жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она—краса лѣсная,
И все поетъ въ лѣсу,
Хвалою радостной вѣнчая
Ея красу.

Шестиконечная звѣзда
Напечатлѣлась на сапфирѣ.
Она со мною навсегда
И въ дольномъ, и въ надзвѣздномъ мірѣ.

Ея таинственны лучи,
И не во всякомъ поворотѣ.
Когда увидишь ихъ, молчи,
Но не забудь о дивномъ счетѣ.

Мое число навѣки—шесть.
Въ немъ безконечность, свѣтъ и тайна.
Его таинственная вѣсть
Все удворяетъ не случайно.

Стремятся дивные лучи
Ко Мнѣ и къ Ней, къ Моей невѣстѣ.
Въ тройномъ ихъ блескѣ заключи
Всѣ неразгаданныя вѣсти.

Зеленый изумрудъ въ твоёмъ бездонномъ взорѣ,—
 Что зеленѣло на просторѣ,
 Замкнулось въ тѣсный кругъ.
Мерцаетъ взоръ зеленый, изумрудный,—
 Мнѣ кажется, что феей чудной
 Присинешься ты вдругъ.

Уже не дѣва ты,—Зеленая царица,
 И смѣхъ твой—звонъ ручья,
И взоръ зеленый твой—лукавая зарница,
 Но ты—опять моя.

И какъ бы ты въ травѣ ни затаилась,
 И чѣмъ бы ты ни притворилась,
 Сверкая и звеня,—
Вездѣ найду тебя, вездѣ тебя открою,
 Зеленоглазая! ты все со мною,
 Ты вѣчно для меня.

Помню я полдень блаженный
Въ тихомъ преддверьи весны,—
Въ сердцѣ моемъ загорѣлось
Солнце нетлѣнной страны.

Пали докучныя грани,—
Я восходилъ до небесъ,
Быль несказанно прекрасенъ
День торжества и чудесъ.

Жизнь моя, змѣя моя!
Отъ просторовъ бытія
Къ тѣснымъ гранямъ житія
Перенесъ тебя и я,
Воды хладныя лія,
Вина сладкія пія,
Нити тонкія вія,
Струны звонкія бія,—
Жизнь моя, моя змѣя!

Усмиривши творческія думы,
Къ изголовью день мой наклоня,
Погасилъ я блескъ, огни и шумы,
Все, что здѣсь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытыя рѣсницы
Я въ края полночные вхожу,
И въ глаза желанной Царь-Дѣвицы
Радостно гляжу.

Всѣ эти ваши слова
Мнѣ ужъ давно надоѣли.
Только бѣ небесъ синева,
Шумныя волны да ели,

Только бы льнула къ ногамъ
Пѣна волны одичалой,
Сладко шепча берегамъ
Сказки любви небывалой.

Все было безпокойно и стройно, какъ всегда.
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькаль смѣхъ дѣвичій въ воздушный океанъ,
И басомъ объяснялся съ мамашей грубіанъ.
Пищали сто песчинокъ подѣ дамскимъ башмакомъ,
И тысячи пылинокъ врывались въ каждый домъ.
Трава шептала сонно зеленя слова.
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква.
Кукушка повторыла, что гдѣ-то есть куку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей,
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде, думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

Мой другъ, любовь не слышная,
Къ тебѣ любовь моя,
Не тканая, не пышная
Одежда бѣлая моя.

Она—моя..:

Широкой тканью бытія
Не видная, не слышная,
Она всегда моя.
Звенять-ли струи у ручья,
Поеть-ли пташка вольная,—
Струя—Моя, и пѣснь—Моя.
Вся жизнь, и горняя, и дольная,
Вся жизнь—Моя,
И потому она твоя.
Безсмертно безглагольная,
Всегда Твоя, вездѣ—Моя.

Иди въ толпу съ привѣтливою рѣчью
И лицемѣрь,
На опытѣ всю душу человѣчью
До дна измѣрь.

Она узка, темна и не свободна,
Какъ темный склепъ,
И тотъ, кто часъ провелъ въ ней неисходно,
На вѣкъ ослѣпъ.

И ты поймешь, какое врачеванье—
Въ окно глядѣть
Изъ тьмы души на птичье ликованье,
И смѣть, и пѣть.

Изъ-за тумана ночного
Всталъ, поднимаюсь я снова
Тихой и блѣдной луной.
На землю сѣю сіянья,
Чары, и сны, и мечтанья,
Всѣмъ утомленнымъ покой.

За день усталъ я смѣяться,
Солнцемъ къ землѣ разливаться,
Все веселить и жить.
Кроткою буду луною
Всѣхъ къ тишинѣ и покою,
Самъ засыпая, манить.

СОДЕРЖАНИЕ.

Отъ автора	СТР. 7
----------------------	-----------

СТИХИ.

(Стихотворенія отмѣченныя * раньше не были напечатаны).

День старалъ, недужно блѣдный	11
Томленья злого	13
Недотыкомка сѣрая	14
Вздымалось облако пыли.	15

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ. Въ тѣни косматой

ели	17
<u>Живы дѣти, только дѣти</u>	19
*Быль просторъ небесъ огроменъ	20
На сѣрой кучѣ сора	21
Мы были праздничныя дѣти	22
Что было, будетъ вновь	23
*О, смерть! я твой. Повсюду вижу.	25
*Въ оврагѣ, за тою вонь рощей.	26
Багряный вечеръ въ еердцѣ воздвигалъ	27
Ускользящей цѣли.	28
*Пришла, и розы разсыпашь	29
Благословлять губительныя стрѣлы	30
Мы поклонялися владыкамъ	31

НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧЪ. Кто знаетъ,	
сколько муки	33
Нѣтъ, не любовь меня влекла	36
*Дорогіе наряды	37
Я любви къ тебѣ не знаю.	38
О, лихорадочное лѣто	39
Не стоитъ-ли кто за угломъ	40
*Быль глазъ чудовища нелѣпъ.	41
Кто на волѣ? Кто въ плѣну?	43
Невнятною, темною рѣчью.	44
Цвѣты роняютъ вешній ароматъ	45
Въ его саду растеть рябина	46
Не рождена притворствомъ.	47
Мы устали преслѣдовать цѣли	48
Я ждалъ, что вспыхнетъ впереди	49
Многоцвѣтная ложь бытія	50
На распутыи зломъ и дикомъ	51
Люблю блуждать я надъ трясинаю	53
Столкновеніе бѣшеныхъ воль.	55
На гулкихъ улицахъ столицы	56
Вотъ у витрины показной	57
Онъ темень и суровъ,—и взоръ его очей.	58
*Въ его устахъ двухъмысленны слова	59
Въ безмолвной пустынѣ	60
Отчего боятся дѣти	61
Былыя надежды почилы въ безмолвной могилѣ...	63
Туманный день глядитъ въ окно	64
Быль широкій путь къ подножью.	65
Въ полумракѣ я томился.	66
*Торжественной праздности чадо.	67

*На улицахъ пусто и тихо	68
*Вѣрить обѣтамъ пустыннымъ.	69
*Истомилъ меня пасмурный день	70
Думы черныя лелѣю	71
Небо желто-красное зимняго заката	72
Навѣкъ налаженъ въ рамкахъ тѣсныхъ	73
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ	75
О, царица моя! Кто же ты? Гдѣ же ты?	77
ВЫБОРЪ. На перепутьи бытія	79
Полонъ дикими мечтами	81
Судьба была неумолима	83
Въ пути безрадостномъ, среди нѣмой пу- стыни	85
*С, забвеніе! низойди, обмани!	86
День туманный.	87
Вывѣски цвѣтныя.	89
*Сады чародѣйныхъ прохладѣ	90
Придешь-ли ты ко мнѣ, далекій, тайный другъ?	91
Вчера въ безсиліе печали	92
Въ безпредѣльности пространства	93
Люби меня, люби, холодная луна.	94
*Для кого прозвучалъ	95
Маленькіе кусочки счастья, не взялъ-ли я васъ въ жизни?	97
*Мнѣ сегодня нездоровится	98
Благословляю сладкій ядъ	99
Онъ не знаетъ, но хочетъ	101
Невинный цвѣтъ и грѣшный ароматъ Левкоя	102

Предметы предметнаго міра	103
Побѣждайте радость	105
*Забудь, что счастье ненадежно	106
Дышу дыханьемъ раннихъ росъ	107
Свободный вѣтеръ давно прошумѣлъ	109
НОЧЬ. Уныло плавала луна	110
*КОМАРЪ-ПАЛАЧЪ. Уйдешь порой изъ солнечной истомы	111
Я къ ней пришелъ издалека	112
Измученный жгучею болью	113
ЛЮЦИФЕРЪ ЧЕЛОВѢКУ. Гармоніей небесныхъ сферъ	115
ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ. Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну..!	117
Зачѣмъ возрастаю?	119
Въ молчаньи звѣздъ, въ дыханьи вѣтра съ полуночи	120
Если-бъ хотѣлъ я любить	121
*Зачѣмъ жемчугъ-роса въ травѣ?	122
Надо мною жестокая твердь	123
Мы скучной дорогою шли	124
Люблю тебя, твой милый смѣхъ люблю	125
Я не лгу, говоря, что люблю я тебя	126
Печальный ангелъ землѣ принесть	127
*Я умираю не спѣша	128
Никто не убиваль	129
АНГЕЛЪ БЛАГОГО МОЛЧАНІЯ. Грудь ли томится отъ зною	131
*Чѣмъ недоступнѣй, тѣмъ прекраснѣй	133

	СТР.
Лепестками завялыми	134
*Хмѣльный, ельный запахъ-смоль.	135
Нарядный осени и лѣта	136
Мечами скорби ты исколотъ.	137
*Любить ночь моя туманы	138
*Понявъ механику міровъ	139
Голосъ нашъ ужасенъ	141
Утро ласковое звонко	142
Злой драконъ, горящій ярко тамъ, въ зе- нитѣ	143
Не плачь, утѣшься, вѣрь.	144
Исхудалый и усталый	145
*Давно стараюсь, и напрасно	147
Преодолѣвъ тяжелое коснѣнье	149
Какъ часто хоронятъ меня!	151
Два солнца горятъ въ небесахъ.	153
Грустное слово—конецъ!	154
Блуждали молитвы мои	155
*Все почивающее свято.	156
Какая тягостная встрѣча!	157
*Касатики качаются	158
Лѣсъ, озаренный луною	159
*Въ глубокой часъ молчанія ночного	160
Твоя печаль осѣнена	161
Ландышъ вдали отъ ручья	162
Моею кровью я украшу	163
*Пышенъ мой городъ и святъ.	165
Какой-то хитрый чародѣй	166
Бѣлый ангелъ надо мною	167
О полночи съ постели.	168
Живи и вѣрь обманамъ	169

Въ моей лампадѣ ясный свѣтъ	171
Чего не доставало	172
Во мнѣ молитва рождена	173
Для меня ты только сѣмя	174
Мы поздно встрѣтились. Веселости чужда.	175
Ты—царь. Рѣшеткой золотою	176
Настроеній мимолетныхъ	177
Степь моя!	179
Вы не умѣете цѣловать мою землю . . .	181
Я опять, какъ прежде, молодъ	182
*Плеснула рыбка подъ водой	183
*Какъ согласно сердце бьется	184
*Прошли предъ вами времена	185
*Ликуй, звени, блести, мой легкій, тонкій стихъ	186
Васильки на поляхъ ослезились росой . .	187
Я вѣрю въ творящаго Бога	188
Бѣлый мой цвѣтокъ, таинственно - пре- красный	189
*Заблѣлся туманъ за рѣкой	190
Догорѣла свѣча.	191
Подъ черемухой цвѣтущей	192
Любовью легкою играя	193
Блаженство въ жизни только разъ	195
*Я долженъ быть старымъ	197
*Блаженный ликъ Маира	199
*У мальчиковъ цвѣтницы	290
Она зарей ко мнѣ пришла	201
Нѣтъ, не одно только горе	203
Вдали, надъ затравленнымъ звѣремъ . .	204
Радостно-чистый	205

	стр.
Вечеръ мирный наступилъ	207
Окно царица-небылица	208
Сладко мечтается мнѣ	209
*Ночь усмирила меня	210
Подъ сѣнью тилій и темаль	211
Иду. въ лѣсу. Медлительно и странно . .	213
Шестиконечная звѣзда.	214
Зеленый изумрудъ въ твоёмъ бездонномъ взорѣ	215
Помню я полдень блаженный.	216
Жизнь моя, змѣя моя!	217
Усмиривши творческія думы	218
Всѣ эти ваши слова.	219
Все было безпокойно и стройно, какъ всегда	220
Мой другъ, любовь не слышная.	221
Иди въ толпу съ привѣтливою рѣчью . .	222
*Изъ-за тумана ночного	223

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ФЕДОРА СОЛОГУБА.

- Томъ первый: Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ второй: Тяжелые сны. Романъ. Изд. III. Ц. 1 р. 75 к.
- Томъ третій: Свѣтъ и тѣни. Червякъ. Къ звѣздамъ. Улыбка.
Прятки. Бѣлая мама. Землѣ Земное. Баран-
чикъ. Лелька. Ц. 1 р. 25 к.
- Томъ четвертый: Красота. Утѣшеніе. Обручъ. Жало смерти.
Въ плѣну. Маленькій человекъ. Рождествен-
скій мальчикъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Томъ пятый: Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ шестой: Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд. V. Ц. 1 р. 75 к.
- Томъ седьмой: Бѣлая собака. Опечаленная невѣста. Страна,
гдѣ воцарился звѣрь. Два готика. Елкичъ.
Смерть по объявленію. Въ толкѣ. Мудрыя
дѣвы. Очарованіе печали. Тѣло и душа.
Ц. 1 р. 25 к.
- Томъ восьмой: Побѣда смерти. Даръ мудрыхъ пчель. Любви.
Ванька ключникъ и пажъ Жанъ. Ночныя
пляски. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ девятый: Стихи. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ десятый: Статьи и сказки Ц. 1 р. 50 к.

Ц. 1 р. 50 к.